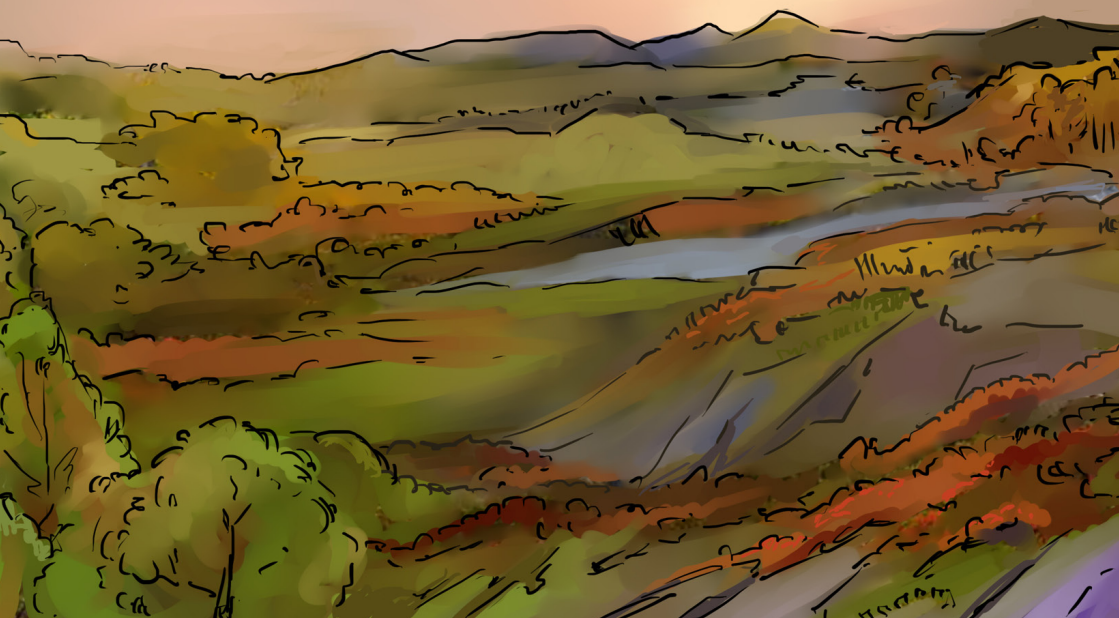

ПАЛАНТИР

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

№77

СЕНТЯБРЬ 2018

В НОМЕРЕ :**Кристина Ларсен**

«Пылающий Вереск» у Толкина: астрономическое объяснение.

Перевод Марии Семенихиной, под редакцией Сергея Белякова 3

Димитра Фими

Язык как средство общения vs. язык как искусство: Дж.Р.Р. Толкин и радикальные лингвистические эксперименты начала XX века.

Перевод Марии Семенихиной 12

Светлана Таскаева (Анариэль Ровэн)

Демография ранних и средних поколений рода Эльроса 33

Дарий Ерастов (Харт)

О внешнем облике Мелькора Первой эпохи: детали, тонкости перевода и взаимосвязь с хронологией «Сильмариллиона» 40

Обложка и оформление - **Моргул**. На последней странице иллюстрация «**Беорн**».

Palantir®**ПАЛАНТИР****№77 сентябрь 2018****Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга**

Этот номер для вас делали:

Золтан Бардинг, Мария Семенихина, Моргул

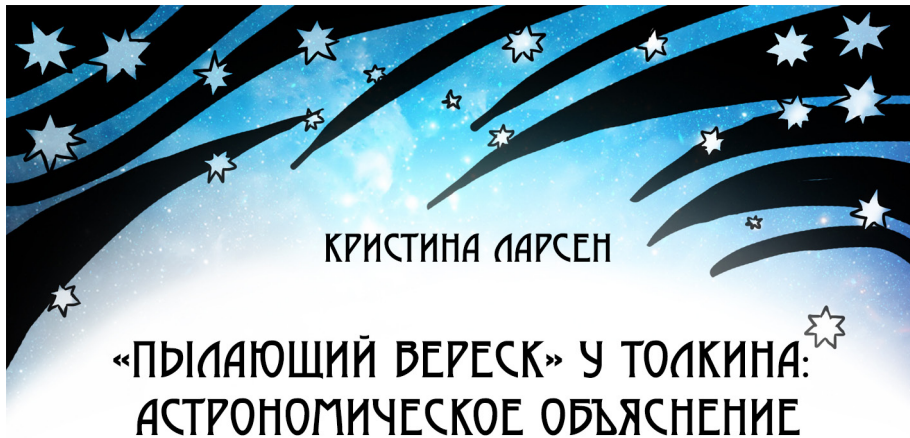
e-mail: palantir.mail@mail.ru twitter: [TolkienSpbRu](https://twitter.com/TolkienSpbRu)Наш сайт: tolkien.spb.ru**Copyright © 1997-2018 Толкиновское Общество СПб**

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц.

Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж - 100 экземпляров.

Редакция журнала благодарит автора использованных в издании шрифтов
Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниеля Стивена Смита.

КРИСТИНА ЛАРСЕН

«ПЫЛАЮЩИЙ ВЕРЕСК» У ТОЛКИНА: АСТРОНОМИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

В свой процесс «вторичного творения» Толкин включал происхождение звезд как часть своей мифологии. Соответствие некоторых скоплений звезд реально существующим созвездиям и астеризмам [легко различимые группы звезд, имеющие самостоятельные названия, но не являющиеся отдельными созвездиями – например, Плеяды или Пояс Ориона] было четко определено самим Толкином (или толкиноведами). Главным среди них был астеризм Большой Ковши, или Плуг, игравший важную роль в эсхатологических мифах Средиземья и пророчестве о поражении Мелькора (Моргота). Толкин помимо прочих имен называл его «Пылающим Вереском» – неясный эпитет, по собственному признанию Кристофера Толкина не поддающийся объяснению. Данная статья предлагает объяснение для этого названия, опирающееся на астрономические явления, с которыми Толкин мог быть знаком, и находящееся в соответствии с символической важностью данного астеризма для толкиновской мифологии.

Глубина и обширность значения деталей в толкиновском Средиземье ставит его наособицу по сравнению с похожими «вторичными творениями» в художественной литературе. Культурные нюансы, такие как языки и обычаи, а также «физические» детали, такие как география, разрабатывались, перерабатывались и разъяснялись внутри паутины, не знающей себе равных по сложности переплетений. Внимание Толкина к деталям началось еще с детства, наряду с интересом к сконструированным языкам. Он подходил к ним как «ученый-филолог», по собственной характеристике, и его основной интерес к теме был, как он сам отмечал, «по большей части научный» (1). В детстве его интересовали разнообразные вещи – такие как «история, астрономия, ботаника, грамматика и этимология» (2). Всем им было позднее суждено сыграть важнейшую роль в превращении Средиземья в столь роскошную площадку для игр как рядовых читателей, так и ученых. Свидетельство внимания Толкина к деталям (и его мастерства в создании поэтических описаний природы) мы находим в письме сыну Кристоферу 1944 года:

Ну вот, пожалуйста, день уже и заканчивается. Такого роскошного заката я вот уже много лет не видел: прямо над горизонтом разливается далекое бледное сине-зеленое море, а над ним, гряда за грядой, воздвигается берег – пламенеющие херувимы огня и золота, тут и там пронизанные туманными струями – точно пурпурный дождь. Возможно, это – предвестие какого-нибудь небесного веселья поутру: барометр, во всяком случае, поднимается. (3)

Среди точных и естественных наук на первом месте стояла астрономия, сыгравшая ключевую роль в «облечении плоть» Средиземья. Х. Киньонес и Н. Рэггетт сообщают об утверждении Присциллы Толкин, что ее отец «в общем интересовался астрономией», и о том, что «Толкин достаточно интересовался астрономией и имел в ней достаточные познания, чтобы убедительно применять их и придавать своим историям правдоподобие» (4). Сам Толкин в письме к Наоми Митчисон отметил по поводу превращения «плоской Земли» в «круглую» после великого изменения мира, что «столь глубокое впечатление произвела на меня “астрономия”, что не думаю, будто я смог бы иметь дело с плоским миром или создать его в воображении, хотя мир, в котором Земля неподвижна, а Солнце обращается вокруг нее, мне представить проще (при помощи фантазии, если не разума)» (5). Действительно, важность астрономической непротиворечивости для толкиновского процесса вторичного творения видна по лунной хронологии во «Властелине Колец». В письме сыну Кристоферу 1944 г. Толкин заметил, что написание книги затрудняется из-за «проблемы с луной. Я, понимаешь ли, обнаружил, что луны у меня в решающие дни между бегством Фродо и нынешней ситуацией (прибытие в Минас Моргул) выкидывали нечто совершенно невозможное, вставляли в одной части страны и одновременно садились в другой» (6). Среди астрономических созданий и творений во вселенной Толкина мы находим звезды и созвездия с собственными именами. Киньонес и Рэггетт объясняют, что эти объекты выполняют те же функции, что и их двойники в реальном мире: «помимо упорядочивания небес, они представляют события и персонажей духовной культуры местного населения» (7). Говорится, что звезды и фигуры из них создала Варда, Королева Валар, также известная эльфам как Эльберет Гильтониэль (владычица звезд, возжигательница звезд), во времена до пришествия Перворожденных (эльфов). Согласно описанию Толкина в «Преображенных мифах», Варда

думала не только о Великих Звездах как таковых, но и об их отношении к Арде, о том, какими они видятся с Земли (и об их влиянии на будущих Детей). Поэтому говорят, что главные созвездия, например, те, что мы зовем Плугом [Большая Медведица] или Орионом, созданы ею. Так, Валакирка, «Серп Богов» (одно из эльдарских названий Большой Медведицы), говорят, был задуман как угроза и знак грядущего возмездия, и помещен на севере, где поселился Мелькор (Варда была наиболее дальновидной из валар – она лучше всех помнила Музыку и Видение: ее собственная роль в нем была невелика, но слушала она внимательнее всех). (8) [*русский текст приводится по: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/myths/trans4.html*]

Плут – это, конечно же, Большой Ковш, как его именуют в Америке, названный здесь своим обычным английским прозвищем. Мы видим отчетливые признаки этой «легенды» в «Анналах Амана» (помимо других произведений), где сказано, что «последним же из всех сотворила Варда знак из семи ярких звезд, рекомый Валакирка, Серп Богов, и повесила его в небе Севера, угрозой для Утумно и во знамение участи Мелькора» (9). Также в «Сильмариллионе» говорится, что Берен «запел песню вызова на бой, сложенную в похвалу Семи Звездам, Серпу Валар, что повесила Варда на Севере в знак падения Моргота» (10). Другие названия для Серпа можно найти в комментарии Кристофера Толкина к «Пришествию эльфов», где он процитировал одну из отцовских записных книжек, в которой это созвездие называется «Серебряный Серп» и «Семь Бабочек» (11). Это более позднее название относится к семи ярким звездам, образующим рукоять и чашу ковша Большой Медведицы. Например, Чосер называл их *the sterres seven [семь звезд (ср.-англ.)]* (12). Еще одно интересное прозвище появляется в «Поздней Квенте Сильмариллион», где говорится: «Много имен дано было звездам сим; но на Севере в Древние Дни звали их Люди Пылающим Вереском: так сказал Пенголод...» (13). Это название не появляется в опубликованном «Сильмариллионе», но присутствует в нескольких более ранних версиях этой же легенды.

Вариант II текста на древнеанглийском языке «Самые ранние Анналы Валинора» в «Устроении Средиземья» содержит соответствующее архаичное название *Brynebrer* в строке 78. В примечаниях к тексту Кристофер Толкин так и перевел это на современный язык как *Burning Briar* (Пылающий Вереск) (14). В «Поздних Анналах Белерианда» отмечается, что «люди древнего Севера именовали его Пылающий Вереск, а люди, живущие позже, дали ему и много иных имен» (15). Вариант «Квенты Сильмариллион», опубликованный в «Утраченном пути», утверждает, что «в стародавние дни на Севере и эльфы, и люди звали их [звезды] Пылающим Вереском, а иные – Серпом Богов» (16). Подобным образом эта же строка представлена и в «Квенте» из «Устроения Средиземья». Единственные иные отсылки к «Пылающему Вереску» есть в «Лэ о Лейтиан»:

*The stars that bum
About the North with silver fire
In frosty airs, the Burning Briar
That Men did name in days long gone*

Звезды, что горят
Над Севером серебряным огнем
В морозном воздухе, Пылающий Вереск,
Как звали его Люди в давно минувшие дни
(вариант В, строки 376-379) (17)

*The Northern stars, whose silver fire
of Old Men named the Burning Briar,
were set behind his back, and shone
o'er land forsaken: he was gone*

Северные звезды, чей серебряный огонь
нарекли встарь люди Пылающий Вереск,
оказались у него за спиной и сияли
над покинутой землей: он ушел
(вариант С, строки 567-570) (18)

*and over all the silver fire
that once Men named the Burning Briar,
the Seven Stars that Varda sat
about the North were burning yet,
a light in darkness, hope in woe,
the emblem vast of Morgoth's foe*

И над всем серебряный огонь,
что назвали некогда люди Пылающий Вереск,
Семь Звезд, что поместила Варда
над Севером, все еще горел,
свет во тьме, надежда в горе,
великое знамение Морготова врага

(вариант В, строки 2666-2671) (19)

Над этим любопытным наименованием, похоже, еще никто не задумывался, кроме Кристофера Толкина, который признался в комментарии к «ЛЭ о Лейтиан»: «Я не могу дать никакого объяснения названию “Пылающий Вереск”...» (20). Это превращает наш «вереск» из простого курьеза в загадку, которую нужно разгадать. С учетом того, что это астрономическая деталь, вплетенная Толкином в его мифологию, вероятнее всего искать разгадку этой тайны в области астрономии. Остальная часть настоящей статьи посвящена именно этому.

Астрономия

Наиболее очевидный угол, под которым следует взглянуть на эту загадку – астрономические факты и легенды о Плуге или Большом Ковше. Строго говоря, в списке из восьмидесяти восьми созвездий, официально признанных Международным астрономическим союзом, его нет – это астеризм, образующий самую яркую часть созвездия *Ursa Major* (Большая Медведица). Склонение звезд Большого Ковша лежит в интервале от примерно сорока шести до шестидесяти трех градусов; таким образом этот околополярный (всегда видимый) астеризм доступен наблюдениям из Оксфорда. Вращаясь вокруг Полярной звезды, он проводит часть дня или ночи (в зависимости от времени года) под северной частью горизонта на глубине от десяти до пятнадцати градусов. С учетом яркости этих звезд и их заметного расположения на небе неудивительно, что в культурах северных народов с ними связана масса легенд и преданий. Например, в некоторых частях Европы этот астеризм известен как Повозка или Колесница, иногда с уточнением «Карлова Колесница», а также Плуг.

Несколько иное толкование дается в культурах арабских народов, где четыре звезды «чаши» называют Катафалк или Большой Гроб. Согласно Аллену (21), знаменитый астроном Фламмарин объяснял эти названия «медленным и торжественным движением этой фигуры вокруг полюса». Возможно, что название *Burning Briar* (горящий куст), используемое Толкином, было лишь игрой со словами *Burning Bier* (горящий катафалк)? Трюк вполне в духе Толкина. Например, в письме 1938 г. к редактору газеты «Обсервер» он объяснял, что имя Смауга – «форма прошедшего времени древнегерманского глагола *smugan*, “протискиваться в дыру”»: филологическая шуточка низкого пошиба» (22). Хотя это, разумеется, лишь предположение, более вероятное объяснение можно найти, сочетая северное расположение астеризма с иным имеющим отношение к астрономии явлением, видимым на том же участке неба – полярным (северным) сиянием, *aurora borealis*.

В начале семнадцатого века Галилей назвал этот результат взаимодействия

атмосферы Земли и солнечного ветра *boreale aurora*, или северной зарей. Современную форму это название приняло в 1621 г. по предложению французского астронома Пьера Гассенди. Это название происходит от красновато-розового цвета полярного сияния в более низких широтах, напоминающего цвет неба на рассвете (23). Полярное сияние по форме может быть неподвижным (появляясь в небе как зарево или дуга) или подвижным (в форме лент, лучей или переливающихся занавесей). Они могут быть практически всех цветов радуги, в зависимости от особенностей линий спектра излучения. Разные цвета возникают на разных высотных уровнях атмосферы, что ведет к изменениям цвета в зависимости от широты. Красное излучение (с длиной волны 630,0 нанометров) связано с кислородом и появляется в высоких слоях атмосферы, более чем вдвое превосходящих уровень, на котором образуется обычное зеленое излучение (длина волны 577,7 нанометров), а именно свыше 250 км (24).

Преломление в легендах

Как и следовало ожидать, полярное сияние окружено изобилием разнообразных мифов и легенд, особенно в культурах северных народов, чьи языки изучал Толкин. Например, в Финляндии это явление считают факелами в руках сражающихся ангелов. В Эстонии тоже полагают, что полярное сияние вызывается битвами на небесах (25). Пословица из Листы (Норвегия) предупреждает, что если «северный свет красный, то это предзнаменование, что будет война» (26). Относительная редкость полярных сияний в более южных широтах, а также их обычно красноватая окраска в этих местностях, привели к общему для Южной Европы поверью, что полярное сияние – это пожары на Севере. Это вызывало повсеместные страх и трепет, что отразилось в литературных источниках. Например, полярное сияние описывается в «Англосаксонских хрониках», «Хрониках Шотландии» и «Ирландских хрониках» – работах, с которыми Толкин, весьма вероятно, был знаком (27). В «Зеркале короля», древнескандинавском произведении, датированном тринадцатым веком, полярное сияние появляется, словно «обширное пламя, видимое с большого расстояния», и «разгорается, словно живое пламя» (28).

Такое огненное явление привело к ряду недоразумений, зафиксированных в истории. В Копенгагене в 1709 г. горожане приготовились тушить пожар, который, как они были уверены, надвигается с севера (29). 15 сентября 1839 г. великолепное зрелище красного полярного сияния в Лондоне вызвало всеобщую панику и стягивание к северу большого числа городских сил по борьбе с пожарами (30). Еще одно сияние, наблюдаемое в Лондоне 25 января 1938 г., описывалось в прессе как заставившее «многих думать, что горит полгорода. Была вызвана Виндзорская пожарная команда, так как думали, что загорелся Виндзорский замок». Сообщается и о подобных случаях ложной тревоги в Австрии и Швейцарии (31).

Представления о красном полярном сиянии как об указании на два явления – «воющих ангелов» и «пожары в небесах» – подводят нас к необходимости выяснения, можем ли мы найти свидетельства таких отсылок в произведениях Толкина. Два таких случая обнаружены автором данной работы. Вскоре после пробуждения эльфов (квенди), валар атаковали твердыню Мелькора на севере, чтобы защитить Перворожденных, и написано, что «квенди ничего не знали о великой Битве Сил – только земля тряслась и стонала у них под

ногами, и воды колебались, и на севере пылало зарево могучих пожаров» (32). Это описание имеет очевидные параллели с вышеприведенными мифами. Второй случай похожей отсылки к полярному сиянию – два рассказа о падении Гондолина. В более краткой редакции (в «Сильмариллионе») говорится:

Воинство Моргота перешло гряду северных холмов: здесь горы были особенно высоки и потому не так бдительно охранялись. Враги явились ночью, в канун праздника, когда весь народ Гондолина собрался на стенах города приветствовать восход солнца торжественными песнопениями; наутро же назначен был великий пир, называемый гондолиндрим Вратами Лета. Но алый отблеск озарил холмы с севера, а не с востока; черные полчища наступали, сокрушая все на своем пути, и подошли они к подножию стен Гондолина, и осажденный город был обречен. (33) [*Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Сильмариллион /Перевод С. Лихачевой. М.: АСТ, 2015*].

Более пространная редакция истории падения эльфийского города («Книга утраченных сказаний», ч. 2) объясняет, что

солнце село за горы, и вот уже народ с радостным нетерпением наряжается к празднику и поглядывает на Восток. Но смотрите! едва солнце село и стало совсем темно, как внезапно снова посветлело, и показалось зарево, но явилось оно из-за северных вершин, и люди дивились этому, и толпа высыпала на стены и башни. Но вскоре изумление сменилось недоумением, ибо свет становился все ярче, но был все таким же красным; когда же люди увидели, что снег на вершинах словно залит кровью, недоумение сменилось ужасом. Вот так огненные гады Мэлько напали на Гондолин. (34) .

[*Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Книга Утраченных сказаний. Ч. 2. Глава III / Перевод А. Хромовой. ТТТ, 2002*]

И снова эти рассказы очень похоже передают существующие европейские мифы о полярном сиянии, и представляется резонным видеть здесь связь с этими мифами или хотя бы их влияние.

Автор выдвигает следующую гипотезу: название «Пылающий Вереск», используемое Толкином для Плуга / Большого Ковша, особенно в его эсхатологической роли, как знамения предсказанного разгрома Мелькора / Моргота в последней Битве Сил, было основано на появлении этого астеризма в ореоле полярного сияния. Такое явление наблюдалось автором в сентябре 2003 г. и оставило неизгладимое впечатление.

Неопалимая купина

Следует рассмотреть еще один мифологический аспект этого названия и его значения. Классическая отсылка к горящему кусту (неопалимой купине) – конечно, библейская книга

«Исход», гл. 3, ст. 2: «И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает» [*Слово briar в английском языке может означать и вереск, и терн, и шиповник, а также любое колючее растение. – Прим. перев.*]. Иудейский ученый Филон Александрийский, современник знаменитого историка Иосифа Флавия, написал обширный труд о жизни Моисея, в котором содержался классический анализ символики горящего куста. Он отметил, что это «был символ угнетенного народа, а горящий огонь – символ угнетателей; а то обстоятельство, что куст горит, но не сгорает, было эмблемой того, что народ, столь сильно угнетенный, не могут погубить нападающие на него, и для одной стороны ее враждебность безуспешна и бесплодна, а умышляемые против другой стороны козни не могут причинить ей вред» (35).

Можно провести здесь очевидную параллель с обещанием Варды (выраженном через создание Валакирки) о конечном сокрушении Моргота и окончательном освобождении Арды от его злых деяний и гнета. Можно задать вопрос, правомерна ли столь буквальная библейская интерпретация. Несмотря на подробные разъяснения Толкина в письме 1967 г., что имя Эарендиль лишь воспроизводит звучание древнеанглийского обращения к Иоанну Крестителю (36), в письме, написанном четырнадцатью годами раньше, он откровенно заявил, что «“Властелин Колец” в основе своей произведение религиозное и католическое; поначалу так сложилось неосознанно, а вот переработка была уже вполне сознательной» (37). Иное использование слова *briar*, также соотносящееся с основным тезисом настоящей работы, предполагает Л. Сэнфорд (38). Он отмечает, что это слово обычно используется в Англии в значении «деревянная трубка для табака». С учетом формы Большого Ковша, а также любви Толкина к курению, такая интерпретация, бесспорно, заслуживает серьезного отношения, хотя «горящая трубка» довольно-таки принижает эсхатологическое значение, придаваемое Толкином этому астеризму.

Наконец, один только наш Профессор и знает точно, чем он мотивировался и вдохновлялся касаясь деталей своего вторичного творения. Автор надеется, что предлагаемое объяснение маленького фрагмента богатого гобелена, вытканного Профессором, заставит размышлять не одного любителя Средиземья. Как говорил сам Толкин, состоятельность Средиземья как «реальности» демонстрируется анализами наподобие приведенного здесь, где на мгновение забывается недоверие, и вторичная реальность вызывает такое же отношение, «как если бы здесь говорилось о реальных временах и местах...» (39).

Примечания

- (1) Carpenter, 1981, 345
- (2) Tolkien, 1966, 64
- (3) Carpenter, 1981, 92
- (4) Quiñonez and Raggett, 1990, 5
- (5) Carpenter, 1981, 197
- (6) Carpenter, 1981, 80
- (7) Quiñonez and Raggett, 1990, 9

- (8) Tolkien, 1993, 387-8
- (9) Tolkien, 1993, 71
- (10) Tolkien, 2001, 205
- (11) Tolkien, 1984, 133
- (12) Allen, 1963, 424
- (13) Tolkien, 1993, 160
- (14) Tolkien, 1995, 345
- (15) Tolkien, 1996, 125
- (16) Tolkien, 1996, 233
- (17) Tolkien, 1994, 204
- (18) Tolkien, 1994, 410
- (19) Tolkien, 1994, 300
- (20) Tolkien, 1994, 207
- (21) Allen, 1963, 433
- (22) Carpenter, 1981, 31
- (23) Jago, 2001, 18-19
- (24) Blanc and Makinen, 1994, 599-601
- (25) Brekke and Egeland, 1983, 2-4
- (26) Brekke and Egeland, 1983, 6
- (27) Eather, 1980, 41
- (28) Brekke and Egeland, 1983, 35-36
- (29) Eather, 1980, 92
- (30) Brekke and Egeland, 1983, 7
- (31) Eather, 1980, 92
- (32) Tolkien, 2001, 48
- (33) Tolkien, 2001, 290-291
- (34) Tolkien, 1992, 173
- (35) Yonge, 1993, XII (67)
- (36) Carpenter, 1981, 385-387
- (37) Carpenter, 1981, 172
- (38) Sanford, 2005
- (39) Carpenter, 1981, 188

Литература

Humphrey Carpenter (ed), 1981, *The Letters of J.R.R. Tolkien*, Boston, Houghton Mifflin Co. [*Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Письма / Перевод С. Лихачевой под редакцией А. Хромовой и С. Таскаевой. М.: Эксмо, 1994*].

J.R.R. Tolkien, 1966, *The Tolkien Reader*, NY, Ballantine Books

Jorge Quiñonez and Ned Raggett, 1990, “Nólë I Meneldilo: Lore of the Astronomer”,
Vinyar Tengwar, 12, 5-15

J.R.R. Tolkien, 1993, *Morgoth's Ring*, Boston, Houghton Mifflin Co.

J.R.R. Tolkien, 2001, *The Silmarillion*, 2nd ed, NY, Ballantine Books

J.R.R. Tolkien, 1984, *The Book of Lost Tales Part 1*, Boston, Houghton Mifflin Co.

Richard H. Allen, 1963, *Star Names: Their Lore and Meaning*, NY, Dover

J.R.R. Tolkien, 1995, *The Shaping of Middle-earth*, NY, Ballantine Books

J.R.R. Tolkien, 1996, *The Lost Road and Other Writings*, NY, Ballantine Books

J.R.R. Tolkien, 1994, *The Lays of Beleriand*, NY, Ballantine Books

Lucy Jago, 2001, *The Northern Lights*, NY, Alfred A. Knopf

M. Blanc and J. Makinen, 1994, “Aurorae,” in Patrick Martinez (ed), *The Observer's Guide*,
Vol. 2, Cambridge, Cambridge University Press

Asgeir Brekke and Alv Egeland, 1983, *The Northern Lights: From Mythology to Space
Research*, Berlin, Springer-Verlag

Robert H. Eather, 1980, *Majestic Lights: The Aurora in Science, History, and the Arts*,
Washington, D.C., American Geophysical Union

J.R.R. Tolkien, 1992, *The Book of Lost Tales 2*, NY, Ballantine Books

Charles Duke Yonge (transl.) (1993) *Philo Judaeus, On the Life of Moses, I* (электронная
версия) <http://www.earlychristianwritings.com/yonge/book24.html>

Leonard Sanford, 12 июня 2005 г., личная беседа.

ДИМИТРА ФИМИ

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ VS. ЯЗЫК
КАК ИСКУССТВО: ДЖ.Р.Р ТОЛКИН
И РАДИКАЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ЭКСПЕРИМЕНТЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Опубликовано в: *Journal of Tolkien Research*: Vol. 5: Iss. 1, Article 2.

<https://scholar.valpo.edu/journaloftolkienresearch/vol5/iss1/2>

Среди обилия материала, впервые опубликованного в недавнем критическом издании эссе Дж.Р. Р. Толкина 1931 года «Тайный порок» (далее – ТП) (1), в который входят прежде выпущенные фрагменты, черновые наброски и одно совершенно новое эссе, издатели расшифровали несколько разрозненных страниц и обрывков бумаги, испещренных записями Толкина, часто в телеграфном стиле или в виде незавершенных предложений. Именно там Толкин упоминает две совершенно неожиданные современные ему литературные фигуры: Джеймса Джойса и Гертруду Стайн.

Джойс не назван по имени, но Толкин нацарапал имя персонажа будущих «Поминок по Финнегану»: Анна Ливия Плюрабель (ТП, р. 91) (2). Известно, что Толкин упоминает это имя не один раз: его транскрипция появляется в «Алфавите кенья» (Qenya Alphabet) (то, что потом стало тенгваром), в документе, тоже датированном 1931 г., который сейчас отредактирован и опубликован в виде факсимиле в журнале *Parma Eldalamberon* № 20 (Tolkien, 2012, pp. 87-89). Но вид имени Гертруды Стайн среди записей Толкина сначала поверг в шок по крайней мере редактора [саму Фими, готовившую «Тайный порок» к печати].

И все же ничего шокирующего тут нет. Первые десятилетия XX века были благодатной почвой для экспериментирования с языком как в утилитарных целях, так и в целях художественного самовыражения. Это было время, когда и лингвисты-любители, и консорциумы профессионалов делали многочисленные попытки соорудить Международный вспомогательный язык (МВЯ), который бы облегчил общение между разными народами мира, внезапно показавшегося невероятно тесным и испытывающим потребность в инструменте, с помощью которого можно обойти «проклятие Вавилонской башни». Это также было время, когда

модернизм и другие авангардные литературные движения пытались «сломоть» язык, раззять его и перестроить заново, чтобы выразить разочарование в современности или примириться с хаосом и сумятицей Великой войны. Толкин выразил свои взгляды на взаимоотношения языка как средства общения и языка как искусства в «Тайном пороке», впервые опубликованном в сборнике «Чудовища и критики и другие статьи» под редакцией Кристофера Толкина (Tolkien, 1983, pp. 198–223). Новое критическое издание предлагает доступ к новооткрытым черновикам Толкина, которые помещают его взгляды в контекст: а) моды рубежа веков на международные вспомогательные языки и б) модернизма и других авангардистских литературных движений начала XX века (куда входят Джойс и Стайн). То, что протокол выступления Толкина на заседании Джонсоновского общества Пембрук-колледжа – тоже недавно обнаруженный и воспроизведенный в новом издании «Тайного порока» – содержит упоминания о Гертруде Стайн и Джеймсе Джойсе (см. ТП, р. xxxiii), показательно для того конкретного культурного момента, в который Толкин произносил свою речь. Таким образом, дальнейший текст – это попытка дать какое-то объяснение, почему и в «Тайном пороке», и сопутствующих заметках к нему содержатся отсылки к МВЯ, таким как эсперанто и новиаль, и к Джойсу со Стайн, и как Толкин занимается и теми, и другими, но выбирает собственный (средний) путь, чтобы в этом ориентироваться и решать подобные практические и эстетические вопросы языкознания.

«Тайный порок» – во многом эссе-размышление, создающее впечатление спонтанных умственных упражнений: начинается оно с установления контакта с аудиторией (в конце концов, оно было написано для устного выступления), затем дерзновенно переходит в мемуарные зарисовки, как Толкин в детстве имел дело с искусственно созданными языками, а затем в нем звучат достаточно значительные заявления, что изобретенные языки – это нечто художественное, сродни поэзии. Однако само эссе, наряду с его недавно опубликованными сопутствующими заметками и черновиками, может также быть прочтено как тщательно продуманный письменный текст, который выстраивает континуум изобретения языков, одной крайней точкой которого является язык-коммуникация, а другой – язык-искусство (см. Схему 1).

Схема 1

Если оглянуться в прошлое, история изобретения языков всегда колебалась между двух примерно одних и тех же полюсов. С одной стороны, конструирование языков сосредоточивалось на *утилитарной* цели: создать язык, который смог бы точно выражать человеческую мысль или стал бы средством для межнационального общения. С другой стороны, изобретение языков часто побуждалось вопросами происхождения языка в сочетании с желанием достичь (некогда утраченного) *совершенства* на эстетическом, метафизическом или духовном уровне: создать язык для поэзии, восстановить первозданный, дарованный небесами, язык или же воскресить давно утраченное «соответствие» звучания слов их значениям. Таким образом, толкиновский континуум отражает давнюю традицию, которую нам необходимо учитывать, прежде чем начать оценивать интеллектуальную атмосферу, в которой прозвучал «Тайный порок».

Предыдущая традиция (I): первичные, философские и вспомогательные языки

Кажется, в любой культуре есть свой миф о происхождении языка (см. Borst, 1957–1963), но в иудео-христианской традиции эта легенда отсылает к началу мира и идее *lingua adamica* [адамова языка]. В Ветхом завете Бог дает Адаму язык, с помощью которого тот называет и осознает все вещи во вселенной. Этот совершенный предвечный язык пережил Всемирный потоп благодаря потомкам Ноя, но позднее был утрачен для мира из-за *confusio linguarum* – смешения языков, которое случилось, когда люди презрели Бога и попытались возвести Вавилонскую башню, стремясь достичь небес (Бытие, гл. 11). Как указывает Марина Ягелло, миф о Вавилонской башне можно считать вторым грехопадением, но в то же время он является этиологическим (объясняет, как данный Богом язык Адама уступил место множеству языков мира) и дает обещание: «он прокладывает путь утопическим размышлениям: что было когда-то, должно произойти снова» (Yaguello, 1991, p. 12). Действительно, в Новом Завете видны проблески воссоздания некоего подобия языка Адама – «ксеноглоссия» Апостолов («говорение языками» – чудесная способность говорить на иностранном языке) во время Пятидесятницы (Деяния, гл. 2) и случаи «глоссолалии» (непосредственное общение с Богом через говорение на непонятных языках) в ранней Церкви, описанные в Первом послании к Коринфянам ап. Павла (1 Кор., 13–14). Восстановление или открытие заново языка Адама, первозданного «совершенного» языка, утраченного через вавилонский грех, сделалось важной целью для средневековых ученых. На роль «изначального» языка время от времени выдвигались древнееврейский, египетский или китайский. Альтернативным подходом было заявить, что *lingua adamica* – ключ ко всем знаниям и может быть воскрешен только мистическими средствами, такими как еврейская Каббала или разнообразные неоплатонические философские школы (см. Eco, 1995) (3).

С окончанием средневековья интеллектуальные усилия ученых и философов постепенно переключились со стремления *воссоздать* гипотетический исходный «совершенный» язык на систематические попытки *создать* его. Проблема конструирования универсального *философского* языка занимала многие блистательные умы семнадцатого и восемнадцатого веков. Вплоть до конца Ренессанса греческое *койне* и латынь служили общими языками теологии и учености и этим удовлетворяли практическую потребность в общении между людьми –

носителями разных языков. Но Просвещение дало философии новую точку фокуса – точные и естественные науки (в особенности математику) – и желание иметь язык, который выражал бы новые естественнонаучные «истины» так же ясно и совершенно, как математические символы (см. Okrent, 2009, pp. 29–37). Подразумевалось, что язык неточен, бессистемен и плохо организован, и, следовательно, препятствует ясному выражению мысли. Если бы можно было создать универсальный язык на основе рациональной классификации понятий и отношений между ними, он бы снабдил философов «идеальным инструментом отражения мира» (Yaguello, 1991, p. 36).

Философские языки семнадцатого и восемнадцатого веков претендовали действительно на многое. Они были тем, что в гуманитарном знании впоследствии было определено как априорные языки, не основанные ни на каких существующих литературных языках, но буквально начинающиеся с чистого листа и стремящиеся с нуля создать язык, основанный на логическом и математическом описании Вселенной. Слова и предложения должны были строиться наподобие того, как строятся математические уравнения. Неудивительно, что такие радикальные начинания творились в эпоху революций – как политических, так и научных. Арден Смит разделяет попытки создания таких философских языков на две категории: попытки, направленные на создание универсального *письменного* языка (пазиграфия) из символов, понятных людям, говорящим на любом языке, и еще более амбициозные проекты, начинавшие разработку с нуля устных языков, слово за словом, в которых «структура слова отражала место выражаемого им значения в сложной классификации мира вещей и идей» (Smith, 2011, p. 23).

Первая категория (письменные языки) возникла по причине очарования европейцев китайским письмом, знаки которого, как (ошибочно) считалось, отражают не звуки и не слова, а идеи, а значит, понятны носителям других азиатских языков (4). Такой подход вылился в создание образцов «подлинного знака», таких как «Общая письменность» Фрэнсиса Лодвика (1647), базировавшаяся на системе основных понятий, представленных отдельными символами, и производных понятий, выражаемых модификацией этих символов при помощи дополнительных диакритических знаков (Smith, 2011, p. 21) (5). В «Рассуждении об искусстве сочетания» (*Dissertatio de Arte Combinatoria*) Готфрида Лейбница (1665) также содержалась такая «пазиграфия», использовавшая числа – попытка создать «истинную алгебру мысли» (Yaguello, 1991, p. 36). Лейбниц также был очарован кажущимися «совершенством» и универсальностью китайского языка, и в своем «Кратком обозначении» (*Brevis Designatio*) (1710) он приводит точку зрения, что китайский язык – не естественный, а искусственный, изобретенный единственным создателем, для облегчения общения между различными народами Азии (см. тж. Genette, 1995, p. 45).

Арика Окрент подробно рассматривает философские языки *par excellence* семнадцатого и восемнадцатого веков, сконцентрировав внимание на работах Джона Уилкинса («Философский язык» (*Philosophical Language*), 1668) и Джорджа Далгарно («Искусство знаков» (*Ars Signorum*), 1661), в попытке показать, почему история их конструирования стала «историей неудачи» (Okrent, 2009, pp. 71–75). Она объясняет, как изначальная идея создания «математики языка» неизбежно привела ее вдохновенных создателей к попытке объять необъятное – создать «иерархию Вселенной»:

1. Чтобы создать математику для языка, нужно знать, каковы основные единицы значения и как мы составляем из них более сложные понятия.
2. Чтобы понять и то, и другое, нужно иметь представление, как понятия разбиваются на более мелкие понятия.
3. Для разбиения понятий нужно иметь удовлетворительное определение этих понятий; нужно знать, что такое вещи.
4. Чтобы знать, чем является что-либо, нужно отличать его от того, чем оно не является.
5. Так как вам приходится отличать это от всего прочего, вы вынуждены включить это в свою систему. Вот так вы и творите свои шестистраничные таблицы Вселенной (Okrent, 2009, p. 45).

И вот именно на это все Уилкинс и потратил жизнь. Он в буквальном смысле составил компендиум более чем на 600 страниц, разбивая Вселенную на категории, которые обозначал каждую своей буквой или своим дифтонгом, комбинации и модификации которых должны были выражать все производные слова и понятия. Далгарно, напротив, старался избегать попыток классифицировать все присутствующее во Вселенной, располагая свои 935 «радикалов» (базовых понятий) в мнемоническом устройстве и заучивая наизусть стихотворение, которое содержало их все! В случае обоих проектов, впрочем, любой, кто попробовал бы говорить или писать на таком языке, вынужден был бы заучивать громадные объемы данных (и систему каждого создателя, как их сочетать), чтобы составить всего одно требуемое слово, не говоря о сложных по составу и смыслу предложениях (6). Нужно ли говорить, что эти философские языки (равно как и другие, созданные многочисленными современниками) были слишком сложны, чтобы применяться на практике?

Однако к концу восемнадцатого века мир начал меняться, а с ним и изучение языка, и социокультурные потребности европейских народов. На следующем этапе истории искусственных языков появились создатели, отдаляющиеся от идеи универсального языка и нацеленные на изобретение *международного* языка, который мог быть сконструирован *апостериорно*, с использованием элементов существующих естественных языков. В девятнадцатом веке эти новые международные языки были направлены на облегчение общения между различными национальными государствами в то время, когда мир, казалось, сжимался. Общественный транспорт, средства массовой информации (газеты, телеграф) и новые технологии активизировали процессы коммерческого, научного и культурного обмена между странами. Новые сорта изобретенных языков должны были стать практичными, легко используемыми и простыми для изучения. В то же время изучение языков также продвинулось от более ранней философии языка (как можно сейчас это назвать) к филологии, академической специальности самого Толкина, сосредоточенной на индоевропейской языковой семье (см. Yaguello, 1991, p. 45). Таким образом, неудивительно, что новое поколение изобретателей языков

опиралось на опознаваемые корни европейских языков. Они взяли немного латыни, немного греческого, слегка приправили французским и немецким и плеснули английского. Изучать получившиеся системы оказалось куда проще,

чем все, что было до них. Теперь не нужно было знать весь порядок Вселенной, чтобы догадаться, что *nov* – это «новый» (Okrent, 2009, p. 83).

Эти апостериорные языки вскоре были обозначены как *вспомогательные, чтобы* отразить их более прикладное назначение, откуда и акроним МВЯ (международные вспомогательные языки), до сих пор широко используемый. Но и они не избежали некоторого налета идеалистического оптимизма: многими создателями МВЯ двигала не потребность в торговле или обмене научными идеями, но романтическая жажда объединить все народы в международное сообщество, объединенное гуманистическими ценностями. Эсперанто, первый изобретенный язык, упомянутый Толкином в «Тайном пороке», был наиболее успешным образцом этого альтруистического желания. Мы вернемся к этому, а также к мнению Толкина о МВЯ, далее.

Ранняя традиция (II): Звуковой символизм

Звуковой символизм – понятие, часто имевшее точки соприкосновения с изобретением языка, а также с теориями происхождения языка и предполагаемого «совершенного» (или хотя бы «лучшего») изначального языка. Звуковой символизм подразумевает, что существует прямая связь между звуками, составляющими слово, и его значением. Типология звукового символизма включает:

а) «звукоподражательный символизм» – ономапоеические слова, передающие физические звуки, наподобие «бахать», «жужжать» и т.д.;

б) «синестетический звуковой символизм», в котором те или иные гласные или согласные последовательно передают качества объектов, такие как размер, форма и т.д. (напр., звук, передаваемый в английском языке буквосочетанием *ee* и обозначаемый в Международном фонетическом алфавите знаком /i/, часто ассоциируется с чем-то маленьким – *little* (маленький), *wee* (крохотный) *teeny* (крошечный)); и

в) «условный звуковой символизм», в котором определенные фонемы и их сочетания ассоциируются с определенным значением (напр., начальное *gl* в таких словах, как *glitter*, *glisten*, *glow* (блестеть, сверкать, сиять) и т.д.), причем он часто специфичен для каждого языка, а не универсален, и в основном складывается в ходе языковой конвенции (см Hinton et al, 1994, pp. 1–6) (7).

Первую категорию часто называют просто «ономапоея», а третью иногда – «стечение». Из всех трех вторая категория часто рассматривается как звуковой символизм в чистом виде, в то время как на первую и третью влияют акустика и семантика, соответственно (см. Magnus, 2001, pp. 16–17). Звуковой символизм – наиболее употребительный термин для этого ряда явлений, хотя существуют и альтернативные термины – «фонетический символизм», «лингвистический иконизм», «фоносемантика», а во французском языке и в континентальных школах гуманитарных наук – «мимология / мимологика» (*mimologie / mimologique*) (см. Magnus, 2001, p. 190; Körtvélyessy, 2015, p. 147; Genette, 1995).

Как и история и эволюция изобретенных языков, история звукового символизма

уходит корнями в теологические и мистические сочинения античности и Средних веков, часто связанные с религиозным или духовным мировидением. Магнус (Magnus, 1998) и Этцель (Etzel, 1983) включили в свои исследования, касающиеся звукового символизма, примеры магических и религиозных источников, в которых буквы наделяются отдельными мистическими значениями, связанными с гаданием или космологией, в том числе скандинавские руны, древнееврейскую Каббалу, котодаму японских синтоистов, Упанишады (написанные на ведийском санскрите), а также апокрифическое Евангелие Фомы о детстве Иисуса. Хотя может показаться, что эти источники путают *буквы* и *звуки* (8), они все же предлагают способ проникнуть в то, «как в культурах человечества воспринимались звуки речи» (Magnus, 1998, p. 41) и какие «внутренне присущие» значения им приписывались.

Но текст, до сих пор воспринимаемый как основа для любой последующей научной или философской дискуссии о феномене звукового символизма в западной культуре, с античности и до эпохи Возрождения – это диалог Платона «Кратил» (прибл. конец IV в. д. н. э.). В этом произведении Кратил отстаивает мнение, что значение слова определяется его звучанием (9). Против него выступает Гермоген, настаивающий, что между словом и его звучанием нет никакой связи. Эти два крайних мнения часто называются, соответственно, натуралистической и *конвенциональной* точками зрения на звучание и значение (см. Magnus, 2013, pp. 192–193; Morgan, 1995, p. xxiii). Наконец с обоими диаметрально противоположными взглядами вступает в спор Сократ, занимая позицию где-то посередине: он соглашается с Кратилом, что в языке есть способность к звуковому символизму, но также и осознает, что данный принцип «при формировании лексики языка не преобладает» (Genette, 1995, p. 26). Как метко подытоживает Морган, если Кратил верит, что язык должен быть миметическим, может им быть и таковым является, то Сократ заявляет, что язык должен быть миметическим, иногда может им быть, но не всегда таковым является (Morgan, 1999, p. xxv). Женетт определяет точку зрения Сократа термином «вторичный кратилизм» или «вторичный мимологизм» и акцентирует, что позиция Сократа связана с подспудным желанием «исправить» естественные языки и таким образом восстановить гипотетический «совершенный» звуковой символизм, который, возможно, некогда существовал (Genette, 1995, pp. 26–27; см. тж. Magnus, 2013, p. 194) (10).

Как предполагалось ранее, вопрос звукового символизма иногда оказывался связанным с поисками «совершенного» адамова языка или созданием универсального философского языка. Лейбниц, о чьих «пазиграфии» и восхищении китайским языком шла речь ранее, также высказывался и о звуковом символизме. Он произвел всестороннюю критику «Опыта о человеческом понимании» Джона Локка (1690), в котором Локк утверждал, что если бы звуковой символизм существовал, то «у всех людей был бы только один язык» (Locke, 1975, p. 405).

В своих «Новых опытах о человеческом понимании» (1765) Лейбниц заявил, что, хотя и нет прямых соответствий между звучанием и значением, но их соотношение не вполне произвольно: «Языки все же имеют естественный исток в гармонии между звуками и воздействием, оказываемым на душу зрелищем вещей» (Leibnitz, 1981, p. 291). Примерно в то же время Шарль де Бросс опубликовал свой «Трактат о механическом обучении языкам» (*Traité de la Formation Mécanique des Langues*) (1765), в котором предположил, что «изначальный»

язык человечества – от которого произошли все современные языки – был «органическим, физическим и необходимым» и основывался на принципах звукового символизма (см. Genette, 1995, pp. 65–90; Eco, 1995, pp. 92–93; Magnus, 2013, p. 195).

Как мы видели ранее, девятнадцатый век с приходом сравнительной филологии стал «поворотной точкой» в истории языкознания, и подобная же «поворотная точка» была достигнута во взглядах на звуковой символизм. «Открытие» общего источника для многих европейских и азиатских языков, ставшего известным как индоевропейский язык, поколебало многие прежние аргументы в пользу прямого соотношения между смыслом и звуком.

Ученые более раннего времени наблюдали, что часто в большом количестве языков для выражения сходных значений использовались сходные звуки, и это предлагалось в качестве доказательства существования звукового символизма. Однако их данные были исключительно европоцентричны, а когда филология продемонстрировала, что эти языки произошли от общего предка, использование сходных звуков стало объясняться скорее их родством, чем какой-либо универсальной ассоциацией определенных звуков с определенным значением (см. Genette, 1999, pp. 180–181). Некоторые филологи, такие как Франц Бопп, предпочли совсем не касаться вопроса звукового символизма (см. Genette, 1995, p. 383), но другие ученые, работавшие в данной области, остались под обаянием звукового символизма и продолжили высказывать в ходе изучения этого явления идеи, превосходящие идеи будущего. В 1836 г. Вильгельм фон Гумбольдт выделил три типа отношений между звуком и смыслом в языке (Humboldt, 1836, pp. 73–74), которые соотносятся с типологией Хинтона, Николс и Охалы, упомянутой ранее (Hinton et al, 1994).

Тем не менее, звуковой символизм постепенно стал вовлекаться в спекуляции по поводу происхождения человеческого языка в более широком смысле (не только часто мистический поиск «адамова» языка, но и более научный подход к данному вопросу). Действительно, помимо «смены парадигмы» в филологии и индоевропейской гипотезы, на исследования языка в девятнадцатом веке также оказывало влияние развитие геологии и осознание того, что Земля существует миллионы лет, а не примерно 6000, как обычно утверждали традиционные толкователи Библии (см. Daniel, 1962, p. 43). С учетом того, что существование человека тоже, как было установлено, имеет куда более длительную историю, языки древних письменных памятников больше не могли восприниматься как близкие к началам человеческого языка: очевидно, что они уже были результатом развития в течение многих тысяч лет. Следовательно, был выдвинут ряд теорий, спекулирующих на том, как возник «первобытный» человеческий язык, и некоторое их количество строилось на понятиях звукового символизма. Например, кажется, что Фридрих Макс Мюллер, несмотря на то, что он отвергал теорию возникновения человеческого языка путем имитации звуков природы и ономастопеи (известно, что он ее прозвал «теория вау-вау»), держался мнения, что человеческий разум некогда обладал инстинктивной способностью «давать членораздельное выражение своим рациональным представлениям», но эта способность угасла, когда задача дать «фонетическое выражение» всем понятиям была решена (Müller, 1862, pp. 384–385).

В начале двадцатого века знаменитое высказывание Соссюра «знак произволен» стало

исключительно влиятельным. Тезис Соссюра, созвучный Локку и ставший догматом веры в современной лингвистике, был еще одним образцом «чрезмерного конвенционалистского обобщения», хотя несколько менее известно, что Соссюр также интересовался и звуковым символизмом, пусть даже и ради развлечения на досуге (см. Morgan, 1995, p. xxv) (11). Тем не менее, спор по поводу звукового символизма продолжился и в двадцатом веке, но фокус теперь сместился на эмпирические методы изучения данного феномена (это зеркально отражает параллельное движение от филологии девятнадцатого века к более «научной» современной области лингвистики).

Во введении к новому изданию «Тайного порока» редакторы проследили, как на мысль Толкина повлияли а) современные ему эмпирические исследования звукового символизма, такие как работы Леонарда Блумфилда и Эдварда Сэпира; б) развитие идей, касающихся звукового символизма, в работах Отто Есперсена, которые Толкин хорошо знал, и в) прямая реакция Толкина на более поздний отказ Блумфилда от *Lautsymbolik* (нем. «звуковой символизм») в книжном обзоре 1927 г. (см. ТП, pp. liii–vi). В другом месте я также рассмотрела понятие «фонетической уместности» у Толкина, как оно исследуется в первом издании «Тайного порока» (см. Fimi, 2008, pp. 78, 88–89), но в новом «дополненном» издании помещено и ранее не публиковавшееся «Эссе о фонетическом символизме», в котором Толкин вполне четко излагает свою позицию: «Я лично... верю, что такая вещь, как «фонетический символизм», существует... Думаю, что она была и есть, и некогда была даже сильнее...» (ТП, p. 68). Кажется, здесь Толкин поддерживает идею, что звуковой символизм был важной образующей силой при зарождении языков, но позднее был затенен тесным взаимодействием и историческим развитием языков по отдельности. Таким образом, мы здесь имеем рассказ о фрагментации и утрате. Толкин, кажется, полагал, точь-в-точь как Мюллер, что первоначальное господствующее положение звукового символизма в естественных языках постепенно угасло, по мере того как связь звучания и значения становилась привычной. Более того, в звуковом символизме Толкин видит элемент *искусства*, или *изобретения*, в процессе развития существующих естественных языков, на которых мы все говорим – по крайней мере на ранних стадиях:

этот «символизм» сыграл свою роль в изобретении языкового материала и пускании его в обиход – ясно, что этот род «художества» (как мы можем это назвать) быстро испаряется, а преобладают смысл и значение. (ТП, p. 66)

К этой идее звукового символизма как «художества» в естественных и сконструированных языках нам нужно еще вернуться.

«Тайный порок»: Толкин и континуум языковых изобретений и экспериментов начала 1920х гг.

«Тайный порок» Толкина начинается с упоминания наиболее известного МВЯ, эсперанто, с которым Толкин был хорошо знаком и о котором по крайней мере имели представление его слушатели, Джонсоновское общество Пембрук-колледжа. Рональд Бьюкенен

МакКэллам, преподаватель этого колледжа, выступавший в Джонсоновском обществе до Толкина (он поступил на работу в Пембрук в один год с Толкином, а позже стал одним из «младших» Инклингов (12)), состоял в Оксфордском университетском клубе эсперантистов, где исполнял обязанность Старшего казначея, и на первом публичном собрании клуба во вторник 24 февраля 1931 г. делал доклад на тему «Нужна ли языковая проблема?» (Клуб эсперантистов, архивы Эксетер-колледжа). Вдобавок Оксфорд был местом проведения Ежегодного мирового конгресса эсперантистов, шедшего с 2 по 9 августа 1930 г., на что Толкин намекает в начале «Тайного порока» (ТП, р. 4).

Познания Толкина в области эсперанто хорошо известны толкиноведам: от подростковой «Книги лисьих хитростей» до замечаний в «Тайном пороке» и последующих взаимоотношений с Британской ассоциацией эсперантистов в 1932–1933 гг., и далее до мнимопренебрежительных комментариев по поводу эсперанто в письме 1956 года (см. Smith and Wynne, 2000; Cilli, 2014; ТП, pp. xliv–xlix). Но эсперанто был лишь одним из примерно 145 проектов МВЯ на рубеже XIX–XX вв. (Yaguello 1991, p. 53). Среди прочих примечательных МВЯ были воляпюк, идо и новиаль, которые Толкин упомянул в том же письме 1956 года (Tolkien, 1981, p. 231). Толкин отчетливо понимал практические цели эсперанто: его стремление сделаться средством международного общения. Однако Толкин хвалит эсперанто в письме британскому эсперантисту от 1932 г., основываясь главным образом на его *эстетических* качествах: его «индивидуальности», «благозвучии», «цельности и красоте» – элементах, которые Толкин приписывал «гению первоначального создателя» (цит. по: Smith and Wynne, 2000, p. 35). В недавно опубликованном «Эссе о фонетическом символизме» Толкин вновь хвалит цельность эсперанто, помещая его среди языков «чистого и однородного свойства» и замечая, что эта черта «придает эсперанто ценность, благодаря которой он превосходит прочих и более технически разработанных (простых) соперников» (ТП, р. 71).

Эта сосредоточенность на эстетике, особенно при сравнении эсперанто с другими «соперниками», весьма значима. В черновом варианте начала «Тайного порока» (13) Толкин называет создателя эсперанто *художником*:

Так или иначе, я думаю, что об эсперанто *per se [самом по себе]* можно много что сказать в его пользу – он привлекателен. Главным образом потому, что по преимуществу он был созданием или произведением *одного человека* (не филолога, но в чем-то художника.)

«Человеческий язык, не испорченный слишком большим количеством успешных *поваров*»

Сейчас я думаю, что, весьма вероятно, мы должны получить нечеловеческий язык, который приготовят вообще не повара – их место займут *диетологи* и *дегидраторы*. (ТП, р. 5, подчеркивания авторские, курсив мой. – Д.Ф.)

Мне хотелось бы предположить, что Толкин мог иметь в виду конкретную группу лингвистов, противопоставляя «повара», создавшего эсперанто (Людвика Заменгофа, лингвиста-любителя), «диетологам и дегидраторам», создающим «нечеловеческие» языки. Важно отметить, что наиболее успешные МВЯ к тому времени предлагались скорее любителями и энтузиастами, чем профессиональными языковедами. Творцом воляпока (1879) был Иоганн Мартин Шлейер, римско-католический священник из Литцельштеттена, который в свободное время изучал языки и смотрел на изобретенный им язык как на возможный инструмент достижения международного единства и гармонии, что, кстати, было выражено в его девизе: «Одному человечеству – один язык!» (см. Smith, 2011, p. 26). *Сначала воляпок* проявил себя как очень успешный, и количество говоривших на нем к 1888 г. по подсчетам составляло 1–2 миллиона (там же, p. 29) (14). Людвик Лацарус Заменгоф, творец эсперанто, также был лингвистом-любителем. Он вырос в Польше, в сообществе, в котором говорили на нескольких различных конкурирующих языках, и выучил несколько языков в юности. Когда он обнародовал свой МВЯ в 1887 г., он использовал псевдоним «Doktoro Esperanto» (Доктор Надеющийся), который впоследствии дал имя самому языку. Он «надеялся», что его язык объединит человечество и принесет новую эру терпимости и уважения между народами. Эсперанто приобрел множество поклонников, и сейчас на нем продолжает говорить примерно 1 миллион человек (Smith, 2011, p. 38), включая тех, для кого эсперанто является первым языком (см. Okrent, 2009). Успех обоих МВЯ вызвал появление множества подражателей и «улучшителей». Многие другие МВЯ, такие как *спокиль*, *спелин*, *дил*, *балта*, *вельтпарль*, *дилпок*, «синий язык» (*Langue bleue*) (или *болак*), создавались бывшими воляпокистами, когда увлечение воляпоком сошло на нет (Smith, 2011, pp. 30–31). Подобным же образом *идо*, что, кстати, на эсперанто значит «отпрыск», предложенный Луи де Бюффоном и Луи Кутюра (1907), по-видимому, был все тем же эсперанто с незначительными изменениями (Smith, 2011, p. 39).

Но Великая война (1914–1918), конечно, нанесла сокрушительный удар по таким идеалистическим проектам, как МВЯ, и их стремлению объединить народы. Концу 1920х и началу 1930х гг. суждено было стать временем последнего всплеска творчества МВЯ. Что интересно, только тогда профессиональные лингвисты, такие как Отто Есперсен, Эдвард Сэпир и Леонард Блумфилд, занялись МВЯ и попытались включить их в свои исследования. В 1924 г. Элис Вандербилт Моррис основала Ассоциацию международных вспомогательных языков (IALA) для стимулирования обсуждения конкурирующих искусственных языков и поощрения исследований, касающихся наилучшей формы и наилучшего использования МВЯ (см. Okrent, 2009, p. 209). Именно Вандербилт Моррис пригласила к сотрудничеству влиятельных лингвистов и изобретателей языков, в том числе Эдварда Сэпира, который стал членом Ассоциации и к 1925 г. выпустил «Меморандум о проблеме международного вспомогательного языка», подписанный другими видными лингвистами, в том числе Леонардом Блумфилдом (Sapir, 1925). «Меморандум» Сэпира очертил ряд принципов МВЯ: простое произношение, основанное на минимальном наборе гласных и согласных (только представленных в большинстве языков мира); логичная структура и отсутствие нерегулярностей; слова с одним значением, легко переводимые; аналитическая (скорее, чем флективная) грамматика; и т.д. (см. Swiggers, 2008,

pp. 244–263). Есперсен согласился с многими из этих принципов, которые применил потом в собственном МВЯ, *noviale* (*nov-* «новый» + IAL «МВЯ») и указал в статье 1929 года:

- а) уже существующие международные корни (т.е. создание *апостериорного* МВЯ);
- б) фонетическая система, которая должна быть максимально возможно простой, чтобы не создавать затруднений для неевропейских народов;
- в) латинский алфавит (потому что он лучше всего известен в мире);
- г) максимально упрощенное и облегченное правописание;
- д) грамматический материал из существующих языков и отсутствие каких бы то ни было исключений;
- е) грамматические времена, образуемые короткими вспомогательными словами – кроме прошедшего, которое следует обозначать окончанием, отличным от окончания настоящего времени (см. Jespersen, 1929).

В 1930 г. в Женеве состоялась встреча Ассоциации вспомогательных языков, организованная Есперсеном, на которой были предложены планы подробного исследования, результатом которого должна была стать «определенная форма международного языка»; руководство исследованием поручалось Сэпиру (см. Swiggers, 2008, pp. 288). О встрече было сообщено в официальном заявлении на Второй международной лингвистической конференции в Женеве в августе 1931 г. (Там же, pp. 248, 287).

Толкин знал работы и исследования Сэпира, Есперсена и Блумфилда очень хорошо. Все три лингвиста были одного поколения с ним – хотя все трое были куда опытнее Толкина и начали свою академическую карьеру гораздо раньше. В своих опубликованных работах Толкин ссылается на них несколько раз, в основном в трех книжных обзорах «Филология: общие труды», которые он написал для *журнала «Исследования в области англистики: Обзор за год»*, тт. 4–6 (1925–1927) (15). С учетом вовлеченности всех троих (Блумфилда – в меньшей степени) в деятельность Ассоциации вспомогательных языков, с ее попыткой создать МВЯ на научной основе, о чем было сообщено на весьма престижной конференции в интересующей Толкина области всего за три месяца до прочтения им лекции «Гайный порок», я рискну предположить, что упомянутые Толкином «диетологи и дегидраторы» – намек на эти совместные усилия профессиональных лингвистов по созданию МВЯ, которые он очевидно воспринимает как бесплодные, бездушные и механистические. Позднее в своем эссе Толкин довольно пренебрежительно отзывается о «низменных рассуждениях о “практичном”, о легчайшем для постижения современным “умом” или массажи», предпочитая вместо них изобретение языка на основе «вопроса вкуса, испытания наслаждения в собственном духе, личного понятия об уместности» (ТП, р. 7).

Таким образом, Толкин весьма своеобразно отвергает концентрацию на простоте и практичности, берущую в расчет *hoi polloi* [многих, большинство (греч.)] – те самые принципы, выдвинутые Сэпиром и Есперсеном. Следует также отметить, что Толкин отсылает слушателей к изобретателю эсперанто, который был лингвистом-непрофессионалом и создал язык с изрядной долей нерегулярностей и идиоматических значений, словно «художник» или «повар», в противоположность «диетологам и дегидраторам» – как он величает «профессиональных»

лингвистов, которые – с его точки зрения – при создании вспомогательных языков совершенно не заботились об эстетике, сосредоточившись на их утилитарной природе. В следующем году в письме «британскому эсперантисту» Толкин говорит, что новияль Есперсена

остроумен и более прост, чем эсперанто, но безобразен – на нем прямо выведено «фабричный продукт», или даже скорее «собрано из запчастей», и ни проблеска индивидуальности, цельности и красоты, которые являются в великих естественных языках и в значительной степени (настолько значительной, насколько это возможно для языка искусственного) в эсперанто... (цит. по Smith and Wynne, 2000, p. 36) (16).

Это созвучно недавно опубликованным заметкам Толкина в последнем издании «Тайного порока», в котором он называет новияль «унылым» и «продуктом массового производства» (ТП, р. 87).

Схема 2

Как предполагалось ранее, кажется, что в «Тайном пороке» и сопутствующих ему текстах Толкин выстраивает некий континуум, располагая образцы языков в виде спектра, один край которого – язык как коммуникация, а другой – язык как искусство (см. Схему 1 выше). Проектируемые МВЯ Есперсена, Сэпира и прочих, равно как и новияль Есперсена, очевидно, располагаются в крайней левой части данного спектра. Их главная цель – простота коммуникации и практичность. Напротив, эсперанто, – хотя и первоначально предназначенный для общения – с точки зрения Толкина, должен располагаться немного правее их, благодаря своим «красоте» и «благозвучию» (см. Схему 2). Примечательно, что первые примеры изобретения языков, упоминаемые Толкином в «Тайном пороке», постепенно движутся в сторону правой части спектра. Сначала он говорит об *анималике (животном языке)*, детском или зашифрованном языке, который Толкин учил ребенком, в котором обычные слова заменялись названиями

животных, птиц и рыб, так что «собака соловей дятел сорок» значило «ты осел» (ТП, р. 9). В анималике, как бы он ни был грубо сработан и сосредоточен на практическом использовании, уже были заключены элементы игры или забавы – как видно в приведенном примере. Толкин обращается к нему, демонстрируя качество «использования языковой способности... исключительно для развлечения и удовольствия» (ТП, р. 10). Далее Толкин упоминает невбош, «новую чужь» – язык, который Толкин придумывал вместе с двоюродной сестрой, Марджори Инклдон, когда Толкину было примерно 14-15 лет, и который создавался под впечатлением от английского, французского и латинского языков.

И опять, несмотря на тот факт, что невбош «остался полезным занятием», «несвободным от чисто коммуникативного аспекта языка» (ТП, pp. 12, 18), он также подходил и для сочинения на нем некоего подобия стихов – по крайней мере, «песенных виршей» (ТП, р. 12) – и демонстрировал нарождающийся аппетит автора к фонетическим изобретениям и принципам звукового символизма: *lint* означало «быстрый, умный, шустрый», поскольку, кажется, само звучание этого слова «соответствовало» предназначенному для него значению (ТП, р. 15).

Здесь мы начинаем делать акцент на лингвистической эстетике – на том, что отстаивалось и развивалось далее в первом языке, изобретенном Толкином полностью самостоятельно – наффарине, созданном под впечатлением от латинского и испанского языков, в котором уже выражался «собственный вкус» создателя (ТП, р. 20) (см. Схему 2). К сожалению, Толкин сообщает о наффарине не так много, но примечательно, что единственный образец этого языка, который предлагает Толкин – стихотворение. Как мы увидим далее, Толкин считал возможность писать на сконструированных языках стихи одной из их «самых возвышенных» функций.

Если целеустремленная попытка изобрести язык для целей *коммуникации* находится на одном краю спектра, то деятельность Стайн, Джойса и других авангардистов этого же периода (и их почти столь же целеустремленная попытка изобретения языка как *искусства*) находится на диаметрально противоположном краю. Тем не менее, некоторые из этих деятелей также активно интересовались МВЯ или считали себя создателями подобных языков. Языковые эксперименты Джойса часто обсуждались в качестве попытки «универсального языка». Действительно, сам Джойс высказывал желание создать «язык превыше всех языков; язык, которому все будет служить» (цит. по: Zweig, 1943, р. 275). В частности, «Поминки по Финнегану» намеренно многоязычны: Джон Бишоп (Bishop, 1986) определил, что Джойс в своей игре использует более сорока языков и диалектов. Кроме того, «Поминки» изобилуют неологизмами, строящимися на каламбурах, звукоподражании, технике словосложения и манипуляциях омонимами и этимологиями, а также творческими и зачастую юмористическими случаями искажения грамматики (обзор см. в Watt, 2011, pp. 169–173). Джойс в особенности восхищался «проблемой Вавилонской башни», и в «Поминках по Финнегану» содержится немало отсылок к МВЯ, таким как эсперанто, воляпюк, идо, идиом неутраль и бейсик-инглиш, и аллюзий на них (см. Shaw Sailer, 1999; Schotter, 2010, pp. 90–94). Он также интересовался современными ему лингвистическими

теориями происхождения языка; в особенности его привлекала идея, что человеческая речь произошла от жестикюляции, особенно после посещения лекций Марсея Жюсса [*французский церковный деятель и антрополог (1886–1961), исследовавший связи физических действий человека с механизмами памяти, сознания и речи*] и (подобно Толкину) прочтения книги сэра Ричарда Пейджета [*юрист, врач и лингвист-любитель (1869–1955), занимавшийся проблемами происхождения языка; автор книги «Человеческая речь» (1930), создатель т.н. знакового языка Пейджета-Гормана – языка ручных жестов для глухонемых*] (Milesi, 2008, p. 474). Джойс был знаком и с работами философа Джамбаттиста Вико, жившего в более раннее время, который настаивал на «кратиловском» происхождении иероглифов и других древних систем письма (Schotter, 2010, p. 95) (17); столь же хорошо он был начитан и в трудах видных филологов и лингвистов девятнадцатого и начала двадцатого веков, известных и Толкину, в том числе Макса Мюллера и Отто Эсперсена (см. эссе в Van Hulle, 2002).

Лингвистические интересы и эксперименты Джойса хорошо вписываются в интеллектуальный климат высшего расцвета проектов МВЯ (накануне их постепенного угасания ко времени Второй мировой войны), а также продолжительного интереса лингвистов к звуковому символизму (несмотря на господство точки зрения Соссюра о *l'arbitraire du signe* [*произвольности знака*]). В то время как английский язык постепенно занимал доминирующую позицию в качестве международного лингва-франка, и выдвигались проекты, направленные на «упрощение и целенаправленную пиджинизацию английского языка» (Yaguello, 1991, p. 54) (например, бейсик-инглиш Ч.К. Огдена и «улучшенный» английский сэра Ричарда Пейджета – оба увидели свет в 1930 г.), Эжен Жолас [*американский писатель и критик французского происхождения (1894–1952), друживший с Джойсом и вдохновлявший его на работу над «Поминками по Финнегану»*] не сильно погрешил против истины, когда, рассуждая о модернистском идеале «нового» языка, заметил: «Английский язык, благодаря своей универсальности, кажется, особенно подходит для возрождения по пути, намеченному мистером Джойсом» (цит. по: Shaw Sailer, 1999, p. 859). Действительно, многоязычие и игра с повседневным английским языком у Джойса в «Поминках по Финнегану» были также описаны другим современным критиком, писавшим в авангардистском журнале Жоласа *transition*, как не столько «новый литературный эсперанто [*sic*]», сколько «гибкий язык, который мог бы быть неким эсперанто для подсознания» (McAlmon, цит. по Schotter, 2010, p. 92).

Нечто подобное – по крайней мере в плане вдохновения – было частью проекта зауми русских футуристов; у этого неологизма существуют такие варианты перевода, как «транс-ментальный» язык, «транс-рациональный» язык, язык «за пределами разума», «металогический» или «бессмысленный» язык. Возможно, перевод Пауля Шмидта *beyonsense* [*словообразовательная калька русского «за-умь»*] – наиболее удачный (Janecsek, 1996, p. 1). Заумные поэты производили сдвиги норм русского языка, главным образом применительно к фонетике (буквы в необычных сочетаниях), морфологии (корни, приставки, суффиксы и т.д. в необычных сочетаниях) и синтаксиса (неправильные, измененные или искаженные

грамматические отношения между словами), в целях создания нового поэтического языка, в котором значение должно было стать намеренно неопределенным и неопределимым (Janecsek, 1996, pp. 4–5). Несмотря на этот модернистский упор на неопределенную и неопределимую (даже самим автором) природу этого типа языка, некоторые творцы зауми, кажется, интересовались и другими характеристиками, которые более сродни МВЯ. Один из главных заумных поэтов, Велимир Хлебников, на самом деле хотел создать «всеобщий язык», который был бы более действенным и функциональным, чем существующий, и служил бы в качестве «языка будущего» – чем вдохновлены были и эсперанто, и другие МВЯ. Действительно, Хлебников имел представление об эсперанто и – подобно Толкину – в целом был благосклонно настроен по отношению к нему благодаря его структуре, легкости и красоте, но считал, что диапазон его звуков и синонимов ограничен (см. Curtin, 2014, p. 132). Собственный универсальный язык Хлебникова был бы внутренне последовательным и построенным на звуковом символизме, и для этого он даже составил список русских фонем и их корреляций с определенными значениями, в соответствии со своими наблюдениями (Janecsek, 1996, p. 137; Magnus, 2013, p. 203). В своем эссе 1919 г. «Художники мира!» Хлебников призвал художников-графиков создать новый универсальный *письменный* язык (напоминающий о попытках создания пазиграфии в восемнадцатом веке), который положил бы конец вражде и объединил мир (преследуя те же гуманистические цели, что и воляпук с эсперанто), и в котором буквы отражали бы внутренне присущие иконические (или символические) значения звуков (Janecsek, 1996, p. 138–9; Curtin, 2014, p. 132).

(Окончание следует)

Примечания

(1) Tolkien, J.R.R. (2016) *A Secret Vice: Tolkien on Invented Languages*, edited by Dimitra Fimi and Andrew Higgins. London: HarperCollins. Далее – ТП.

(2) Джойс начал писать «Поминки по Финнегану» примерно через год после публикации «Улисса» (1923), и на протяжении длительного срока вызревания своего замысла называл его «Неоконченный труд». Уже с 1924 г. фрагменты «Неоконченного труда» появлялись в различных изданиях. Раздел, известный под названием «*Анна Ливия Плурабель*», к тому моменту, как Толкин прочел лекцию «*Тайный порок*», был опубликован уже четыре раза: 1) в журнале *Navire D'Argent* (октябрь 1925 г.); 2) в авангардистском журнале *transition* (ноябрь 1927 г.); 3) Кросби Гейджем в виде отдельной брошюры в Нью-Йорке в 1928 г.; и 4) также в виде брошюры в издательстве «Фабер и Фабер» в Лондоне в 1930 г.

(3) Даже случаи целенаправленного изобретения языков в этот период были частично связаны с религиозным дискурсом. Например, немецкая писательница, композитор и философ Хильдегарда Бингенская (1098–1179), аббатиса бенедиктинского монастыря Рупертсберг, заявляла, что язык, ставший известным как *Lingua Ignota* (Неведомый язык), открылся ей по

божественному вдохновению. Однако в недавнем исследовании убедительно было показано, что *Lingua Ignota* не проявляет обычных свойств религиозной глоссолалии, как она предстает в зарегистрированных случаях (когда языковые структуры – такие как морфемы и синтаксис – отсутствуют). Но это и не полный язык (например, там нет глаголов или местоимений), хотя и тщательно записанный, с высокой степенью организованности применительно к категориям значения, а также с некоторыми чертами словообразовательной морфологии, и, следовательно, он был создан сознательно (см. Higley, 2007, pp. 35–50; Okrent, 2009, pp. 11–12).

(4) См. в (Okrent, 2009, p. 168–172) краткое, но четкое объяснение того, как устроена китайская письменность и как неправильно ее понимали европейские философы XVII и XVIII веков.

(5) Лодвик также изобрел «Универсальный Алфавит», имеющий много общих черт с *тэнгвар* Толкина (Allan, 1978, pp. 276–279; Fimi, 2008, pp. 112–113)

(6) См. у Okrent (2009, pp. 58–76) о забавной попытке составить предложение на языке Уилкинса.

(7) Хинтон, Николс и Охала также включают в свою типологию «телесный звуковой символизм», связанный с произвольными звуками типа кашля или икоты, хотя они признают, что данный тип «находится в пограничной области звукового символизма» (Hinton et al, 1994, p. 2).

(8) Буквы – это письменные символы, которые необязательно означают один и только один звук языка: например, в английском языке буквы *c* и *s* могут произноситься как один и тот же звук [s] (напр., *c* в слове *cereal* (крупа, зерно) и *s* в слове *serious* (серьезный)).

(9) Отсюда термин «кратилизм», часто используемый как альтернативный для терминов «звуковой символизм» и другим вышеперечисленным.

(10) Блистательное исследование Женетта о звуковом символизме (сам он предпочитает термин «мимологизм») и его увлекательное и тонкое прочтение «Кратила» рассматривают позицию Гермогена не как диаметрально противоположную «абсолютному» мимологизму Кратила и «вторичному» мимологизму Сократа, а как среднюю на шкале, на противоположных концах которой он помещает Лейбница («вторичный конвенционализм») и Соссюра («абсолютный конвенционализм»). См. (Gennette, 1999, p. 51).

(11) Морган ссылается на «множество записных книжек» Соссюра «с эпонимическим анализом стихов из Веды и Гомера и надписей, где раскрываются имена древних богов, таинственно скрытые в буквах и звуках» (p. xxv). Также следует упомянуть, что брат Соссюра, Рене де Соссюр, публиковал труды по эсперанто, а позднее предложил язык собственного изобретения (эсперанто II) и стал сотрудничать с Международной ассоциацией вспомогательных языков (Yaguello, 1991, p. 53; см. тж. Forster, 1982).

(12) Цитата из статьи о МакКэлламе? (Прим. авт.)

(13) В первой публикации «Тайного порока» в сборнике «Чудовища и критики» Кристофер Толкин выдвинул гипотезу, что этот вариант начала – либо «черновик зачина данного

эссе, либо (более вероятно) черновик для его переделки» (см. Tolkien, 1983, p. 291), причем последняя версия предположительно связана с возможным вторым выступлением с этой же лекцией много лет спустя. Редактор нового, «расширенного», критического издания «Тайного порока» доказал, что это вариант концовки, современный самому эссе (см. ТП, pp. 3-4, 38).

(14) О введении в воляпюк (история, структура и перспективы) см. (Smith 2011, pp. 26–31).

(15) Толкин также ссылается на Блумфилда в «*Финне и Хенгесте*», опубликованном в 1982 г. на основе лекций Толкина начала 1930х гг. (см. Tolkien, 1982, p. 101). О критике Толкином взглядов Блумфилда на звуковой символизм см. (ТП, pp. lv–lvi).

(16) В письме Толкин не употребляет слово «новиаль», а скорее использует сокращение «н**», этим самым, возможно, демонстрируя нежелание критиковать коллегу-филолога и выдающегося ученого, чьи книги Толкин хвалил в своих обзорах (см. Smith and Wynne, 2000, p. 37).

Сокращения

ТП – Tolkien, J.R.R. (2016) *A Secret Vice: Tolkien on Invented Languages*, edited by Dimitra Fimi and Andrew Higgins. London: HarperCollins.

Список использованной литературы

Adams, Michael (2011) *The Spectrum of Invention* // Adams, Michael (ed.) *From Elvish to Klingon: Exploring Invented Languages*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1–16.

Allan, Jim (1978) *An Introduction to Elvish*. Bath: Brans Head Press.

Bishop, John (1986) *Joyce's Book of the Dark: Finnegans Wake*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press.

Borst, Arno (1957–63) *Der Turmbau von Babel: Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker*. 4 vols. Stuttgart: A. Hiersemann.

Cilli, Oronzo (2014) *The Educational Value of Esperanto: The Word of Tolkien in The British Esperantist 1933*. URL: <http://tolkieniano.blogspot.co.uk/2014/03/theeducationalvalue-of-esperanto-word.html>.

Curtin, Adrian (2014) *Avant-Garde Theatre Sound: Staging Sonic Modernity*. New York, NY: Palgrave Macmillan.

Daniel, Glyn E (1962) *The Idea of Prehistory*. London: Watts.

Dydo, Ulla E. (2003) *Gertrude Stein: The Language That Rises: 1923–1934*. Evanston, Ill.: Northwestern University Press.

Eco, Umberto (1995) *The Search for the Perfect Language*, translated by James Fentress. Oxford: Blackwell.

Etzel, Stefan (1983) *Untersuchungen zur Lautsymbolik*. Неопубликованная докторская

(PhD) диссертация: Университет Франкфурта-на-Майне.

Fimi, Dimitra (2008) *Tolkien, Race and Cultural History: From Fairies to Hobbits*. London: Palgrave Macmillan.

Forster, von Peter Glover (1982) *The Esperanto Movement*. The Hague: Mouton Publishers.

Genette, Gérard (1995) *Mimologics = Mimologiques: Voyage en Cratylie*, translated by Thaïs E. Morgan; with a foreword by Gerald Prince. Lincoln; London: University of Nebraska.

Higley, Sarah (2007) *Hildegard of Bingen's Unknown Language: An Edition, Translation, and Discussion*. London: Palgrave Macmillan.

Hiley Margaret (2015) "Bizarre or dream like": J.R.R. Tolkien on *Finnegans Wake* // Carpentier, M.C. (ed.), *Joycean Legacies*. London: Palgrave Macmillan, pp. 112-126.

Hinton, Leanne, Nichols, Johanna and Ohala, John J. (1994) *Sound Symbolism*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Hobbes, Thomas ([1651] 2011) *Leviathan: Parts I and II*, by A.P. Martinich and Brian Battiste. London: Broadview.

Holmes, John R. (2013) "A Metre I Invented": Tolkien's Clues to Tempo in "Errantry" // Eilmann, Julian & Turner, Allan (eds.) *Tolkien's Poetry*. Zurich: Walking Tree Publishers, pp. 29-44.

Humboldt, Wilhelm von (1999) *On Language: On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species*, edited by Michael Lososky; translated by Peter Heath. Cambridge texts in the history of philosophy. Cambridge: Cambridge University Press.

Janecek, Gerald (1996) *Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism*. San Diego, Calif.: San Diego State University Press.

Jespersen, Otto (1929) Nature and Art in Language// *American Speech*, 5, pp. 89–103.

Körtvélyessy, Livia (2015) *Evaluative Morphology from a Cross-Linguistic Perspective*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015.

Leibniz, Gottfried Wilhelm ([1704] 1981) *New Essays on Human Understanding*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lewis, C.S. (1991) *All My Road Before Me: The Diary of C.S. Lewis 1922–27*, edited by Walter Hooper; foreword by Owen Barfield. San Diego; London: Harcourt Brace Jovanovich.

Lewis, C. S. (2004) *Collected Letters, Vol. 2: Books, Broadcasts and War, 1931–1949*, edited by Walter Hooper. London: HarperCollins.

Lewis, C. S. (2014) *The Pilgrim's Regress*, edited and introduction by David C. Downing; illustrated by Michael Hague. Wade Annotated Edition. Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company.

Locke, John ([1690] 1975) *Essay Concerning Human Understanding*. Oxford: Clarendon Press.

Magnus, Margaret (1998) *The Gods of the Word: Archetypes in the Consonants*. Kirksville, MO: Truman State University Press.

- Magnus, Margaret (2001) *What's in a Word? Studies in Phonosemantics*. Неопубликованная докторская (PhD) диссертация: Университет Тронхейма.
- Magnus, Margaret (2013) A History of Sound Symbolism // Allan, Keith (ed.) *The Oxford Handbook of the History of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, pp. 191–208.
- Milesi, L. (2008) Joyce's English // Momma, H. and Matto, M. (eds) *A Companion to the History of the English Language*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Morgan, Thais E. (1995) Invitation to a Voyage in Cratylusland // Genette, Gérard *Mimologies = Mimologiques: Voyage en Cratylie*, перевод Т. Морган; предисловие Джерарда Принса. Lincoln: London: University of Nebraska, pp. xxi-lxvi.
- Müller, Max (1862) *Lectures on the Science of Language*. New York: Charles Scribner.
- Okrent, Arika (2009) *In the Land of Invented Languages: Esperanto Rock Stars, Klingon Poets, Loglan Lovers, and the Mad Dreamers who Tried to Build a Perfect Language*. New York: Spiegel & Grau.
- Olsen, Corey (2014) Poetry // Lee, Stuart D. (ed.) *A Companion to J.R.R. Tolkien*. Chichester: Wiley Blackwell, pp. 173–88.
- Sapir, Edward (1925) Memorandum on the problem of an international auxiliary language// *The Romanic Review*, 16, pp. 244–256.
- Scheunemann, Dietrich (2000) Cubist Painting, Automatic Writing and the Poetry of Gertrude Stein // Scheunemann, Dietrich (ed.) *European Avant-Garde: New Perspectives*. Amsterdam; Atlanta, Ga.: Rodopi.
- Schotter, Jesse (2010) Verbiocovisuals: James Joyce and the Problem of Babel // *James Joyce Quarterly*, 48: 1, pp. 89–109.
- Shaughnessy, Nicola (2007) *Gertrude Stein*. Tavistock, Devon: Northcote House.
- Shaw Sailer, Susan (1999) Universalizing Languages: “Finnegans Wake” Meets Basic English // *James Joyce Quarterly*, 36:4, pp. 853–868.
- Shippey, T. A. (2005) *The Road to Middle Earth: Revised and Expanded Edition*. London: HarperCollins.
- Smith, Arden R. (2011) Confounding Babel: International Auxiliary Languages // Adams, Michael (ed.) *From Elvish to Klingon: Exploring Invented Languages*. Oxford: Oxford University Press, pp. 17–48.
- Smith, Arden R. and Wynne, Patrick (2000) Tolkien and Esperanto // *Seven: An Anglo-American Literary Review*, 17, pp. 27–46.
- Stein, Gertrude (1936) *Lectures in America*. New York: Random House.
- Stein, Gertrude (1947) *Four in America*. New Haven: Yale University Press.
- Stein, Gertrude (1966 [1933]), *The Autobiography of Alice B. Toklas*. London: Penguin.
- Swiggers, Pierre (ed.) (2008) *The Collected Works of Edward Sapir, I: General Linguistics*. New York: Mouton de Gruyter.
- Tolkien, J.R.R. (1981) *The Letters of J.R.R. Tolkien*, edited by Humphrey Carpenter, with

the assistance of Christopher Tolkien. London; George Allen & Unwin.

Tolkien, J.R.R. (1982) *Finn and Hengest: The Fragment and the Episode*, edited by Alan Bliss. London: George Allen & Unwin.

Tolkien, J.R.R. (1983) *The Monsters and the Critics and Other Essays*, edited by Christopher Tolkien. London: George Allen & Unwin.

Tolkien, J.R.R. (1987) *The Lost Road and Other Writings*, edited by Christopher Tolkien. London: George Allen & Unwin.

Tolkien, J.R.R. (2002) *The Treason of Isengard: The History of the Lord of the Rings, Part Two*, edited by Christopher Tolkien. London: HarperCollins.

Tolkien, J.R.R. (2004) *The Lord of the Rings*, 50th Anniversary Edition, edited by Wayne G. Hammond & Christina Scull. London: HarperCollins.

Tolkien, J.R.R. (2008) *Tolkien On Fairy-stories*, edited by Verlyn Flieger and Douglas A. Anderson. London: HarperCollins.

Tolkien, J.R.R. (2012) The Qenya Alphabet (edited by Arden R. Smith) // *Parma Eldalamberon*, 20 (PE 20).

Van Hulle, Dirk (ed.) (2002) *James Joyce: The Study of Languages*. Brussels: P. I. E.-Peter. Lang.

Watt, Stephen (2011) “Oirish” Inventions: James Joyce, Samuel Beckett, Paul Muldoon // Adams, Michael (ed.) *From Elvish to Klingon: Exploring Invented Languages*. Oxford: Oxford University Press, pp. 161–84.

Yaguello, Marina (1991) *Lunatic Lovers of Language: Imaginary Languages and their Inventors*, translated by Catherine Slater. London: Athlone Press.

Zweig, Stefan (1943) *The World of Yesterday: An Autobiography*. New York: Viking Press.

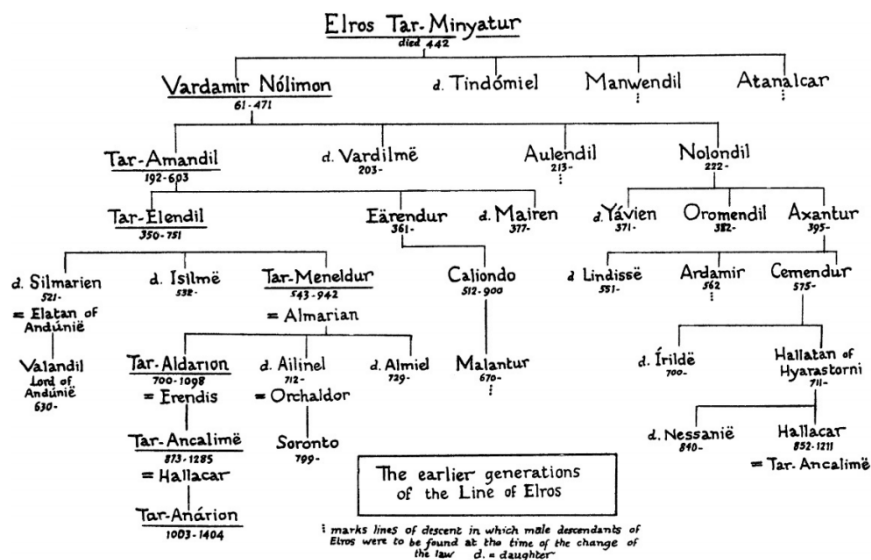

Здесь анализируются такие данные, как возраст рождения первенца у мужчин и женщин, количество детей, разница в возрасте между детьми. Эти данные используются для определения границ и социальных норм, расчета средних арифметических, а также для расчета количества потомков Эльроса в каждом поколении и общего их количества в определенный исторический момент.

С точки зрения периодизации внутримировой истории и наличия необходимых текстологических данных, историю рода Эльроса для анализа демографии можно разбить на три части:

1. Ранние поколения от Эльроса по Тар-Анкалимэ. Информация об этих поколениях, помимо текста «Род Эльроса: короли Нумэнора», представлена в тексте «Алдарион и Эрэндис» и в материалах к нему. Однако самым важным источником является приведенное в этих материалах родословное древо «Ранние поколения рода Эльроса» («Неоконченные предания», с. 210; для удобства эта схема приводится и здесь). Благодаря этой схеме для ранних поколений мы имеем большой набор демографической информации: количество и даты рождения детей, наличие потомков мужского пола в данной линии на момент изменения Тар-Алдарионом закона о престолонаследии.

2. Средние поколения от Тар-Анариона до Тар-Анкалимона. Для этих поколений, о которых подробно не рассказывается в «Алдарионе и Эрэндис», мы имеем меньше информации о детях: редко эксплицируется количество, даты рождения указываются только для наследников скипетра. Например, для отрекшихся от скипетра старших дочерей Тар-Анариона мы не имеем дат рождения. Тем не менее на основе информации для ранних поколений можно строить обоснованные предположения для средних.

3. Поздние поколения, начиная с Тар-Тэлэммайгэ. Информация о них так же скудна, как и в предыдущем случае, но при этом происходит уменьшение сроков жизни и соответствующие, по всей видимости, изменения демографических характеристик, о которых остается только догадываться: к примеру, можно предполагать, что среднее количество детей упало. Вдобавок текстологические данные по последним поколениям зачастую противоречивы.

Дальше приводятся демографические данные, на основе которых делались выводы и строились предположения.

Если для кого-то отсутствует всякая информация о детях (кроме факта их наличия), его данные далее не приводятся: например, про младших сыновей Эльроса известно только то, что у них имелись потомки мужского пола на момент изменения Тар-Алдарионом закона о престолонаследии, но больше ничего.

Демографические сведения разбиты по поколениям.

1 поколение

У Эльроса было 4 детей, старший родился в 61 г. (отцу 119 лет), разница в возрасте между детьми неизвестна. Для Эльроса в расчетах учитывается только количество детей, но не возраст рождения первого ребенка, который ниже всех последующих.

2 поколение

	Год рождения, В.Э.	Кол-во детей	Возраст отца при рождении первенца	Годы рождения детей, В.Э.	Разница в возрасте между детьми	Разница в возрасте между первым и последним ребенком
Вардамир Нолимон	61	4	131	192, 203, 213, 222	11, 10, 9	30

3 поколение

	Год рождения, В.Э.	Кол-во детей	Возраст отца при рождении первенца	Годы рождения детей, В.Э.	Разница в возрасте между детьми	Разница в возрасте между первым и последним ребенком
Тар-Амандиль	192	3	158	350, 361, 377	11, 16	27
Нолондиль	222	Мин. 3	149	371, 382, 395	11, 13	24

Для Нолондила и его потомков неизвестно, указано ли в схеме полное количество детей или только дети включительно по младшего сына – предка Халлакара, поэтому я пишу «минимум три». Точно также нельзя быть уверенным, что указано полное количество детей в семьях Эарэндур и Айлинэль и их потомков, а также количество детей у Сильмариэн.

4 поколение

	Год рождения, В.Э.	Кол-во детей	Возраст отца при рождении первенца	Годы рождения детей, В.Э.	Разница в возрасте между детьми	Разница в возрасте между первым и последним ребенком
Тар-Элэндиль	350	3	171	521, 532, 543	11, 11	22
Эарэндур	361	Мин. 1	151	512	-	-
Аксантур	395	Мин. 3	180	551, 562, 575	11, 13	24

В «Роде Эльроса» сказано, что женился Тар-Элэндиль поздно («Неоконченные предания», стр. 239) – однако ср. с его двоюродным братом Аксантуром.

5 поколение

	Год рождения, В.Э.	Кол-во детей	Возраст при рождении первенца	Годы рождения детей, В.Э.	Разница в возрасте между детьми	Разница в возрасте между первым и последним ребенком
Сильмариэн	521	Мин. 1	109	630		
Тар-Мэнэльдур	543	3	157	700, 712, 729	12, 17	29
Калиондо	512	Мин. 1	158	670	-	-
Кэмэндур	575	Мин. 2	125	700, 711	11	11

6 поколение

	Год рождения, В.Э.	Кол-во детей	Возраст при рождении первенца	Годы рождения детей, В.Э.	Разница в возрасте между детьми
Тар-Алдарион	700	1	173	873	-
Айлинэль	712	Мин. 1	87	799	
Халлатан	711	Мин. 2	129	840, 852	12

Для наглядности приводятся данные для супруги Тар-Алдариона, поскольку в уникальном случае Эрэндис мы имеем точные данные для «обычного» нумэнольца: годы жизни 771–985, прожила 214 лет (причем умерла не своей смертью), разница с мужем 70 лет; родила единственную дочь в 102 года.

7 поколение

	Год рождения, В.Э.	Кол-во детей	Возраст при рождении первенца	Годы рождения детей, В.Э.
Тар-Анкалимэ	873	1	130	1003
Халлакар	852	1	151	1003

Жена младше мужа на 21 год.

Дальше демографические данные менее подробны.

8 поколение

Тар-Анарион (род. в 1003 г.). Как минимум 3 ребенка, третий ребенок родился в 1174 г. (отцу 171 год, каковая цифра сама по себе ничего не дает).

9 поколение

Тар-Сурион (род. в 1174 г.), как минимум 2 детей: дочь 1320 г.р. (отцу 146 лет), сын.

10 поколение

Тар-Гэльпэриэн (род. в 1320 г.)

Исильмо: как минимум 1 ребенок 1474 г.р. (отцу менее 154 лет (возраст его старшей сестры на этот момент), точнее сказать нельзя).

11 поколение

Тар-Минастир (род. в 1474 г.), как минимум 1 сын 1634 г.р. (отцу 160 лет).

12 поколение

Тар-Кирьятан (род. в 1634 г.), как минимум 1 сын 1800 г.р. (отцу 166 лет).

13 поколение

Тар-Атанамир (род. в 1800 г.), как минимум 2 детей, сын 1986 г.р., отцу 186 лет).

Зашкаливающе поздний брак?

14 поколение

Тар-Анкалимон (род. в 1986 г.), как минимум 1 сын 2136 г.р. (отцу 150 лет)

Далее начинается падение продолжительности жизни, приводятся данные лишь по поколению Тар-Ванимэльдэ – Хэрукалмо включительно, в силу интересной демографической информации.

15 поколение

Тар-Тэлэммайтэ (род. в 2136 г., прожил 390 лет), как минимум 1 ребенок 2277 г.р. (отцу 141 год).

16 поколение

Тар-Ванимэльдэ (род. в 2277 г., прожила 360 лет), Хэрукалмо (род. в 2286 г., прожил 371 год): как минимум 1 ребенок (2406 г., матери 129, отцу 120). Муж и жена – троюродные брат и сестра, муж младше жены на 9 лет.

Анализ демографических данных и расчеты

Среднее количество детей в браке

Для расчета среднего количества детей в браке использовались «вертикальные», поколенческие данные от Эльроса до Тар-Мэнэльдура. Из «горизонтальных» данных (разных потомков Эльроса в одном поколении) использовались только короли, поскольку лишь для них можно быть уверенным, что указано полное количество детей (например, последний ребенок – девочка, в случае Тар-Амандиля и Тар-Мэнэльдура). Практически очевидно, что на генеалогическом древе указаны не все дети Эарэндура, Сильмариэн и Айлинэль, а для Нолондиля и его потомков нельзя сказать, указаны ли все дети (двое или трое) или только дети включительно по сына, который является предком Халлакара.

Всего у 5 королев было в общей сложности 17 детей (7 девочек, 10 мальчиков); в среднем получается 3,4 ребенка на семью = 1 родителя из рода Эльроса.

Исходя из этой информации, можно, например, предположить, что у Сильмариэн, кроме Валандиля, а у Айлинэль – кроме Соронто могло быть еще до 2-3 детей.

Количество потомков Эльроса в данном поколении

Благодаря этому среднему количеству детей можно с некоторой определенностью рассчитать количество потомков Эльроса со второго по седьмое поколение включительно:

2 поколение: 4 потомка (точная цифра);

3 поколение: 13,6 (при точно известных 4);

4 поколение: 46,24 (при точно известных 6);

5 поколение: 157,216 (при точно известных 7);

6 поколение: 534,5344 (при точно известных 7);

7 поколение – первое поколение с документированным браком между потомками Эльроса. Из истории знакомства Анкалимэ и Халлакара явствует, что не все ровесники из рода Эльроса знают друг друга в лицо, и это подтверждает цифра 1817,4-2,4 (нерожденные дети Тар-Алдариона) = примерно 1815 человек.

Общее количество людей из рода Эльроса на конкретный момент считается на три

поколения: нынешнее поколение, его родители и деды-бабки. Для 7 поколения, к примеру, это будет (округляя) $1815+534+157=2506$ человек.

Расчет количества потомков Эльроса в последующих поколениях

После первого документированного брака между потомками Эльроса (Тар-Анкалимэ – Халлакар) среднее количество детей на родителя королевской крови должно падать ниже 3,4 (браки за пределами рода Эльроса), возможно, даже опускаясь до 1,7 (все браки в пределах рода Эльроса, что, возможно, имело место во второй половине Второй эпохи). Т.е., даже если в семье те самые 3,4 ребенка, то они делятся пополам на обоих родителей, и общее количество потомков Эльроса перестает расти так стремительно, как на протяжении 7 поколений даже при сохранении такой высокой рождаемости, как 3,4 ребенка на семью. Если принять коэффициент, например, равным 2,55 (среднее арифметическое для 3,4 и 1,7), то в 8-м поколении количество потомков Эльроса составило бы примерно 4628 человек, в 9-м – 11 802.

Конечно, среднее количество детей могло уменьшиться и само по себе. И если оно действительно уменьшается, то коэффициент падает еще сильнее: например, на каждого из родителей единственного сына Тар-Анариона приходится 0,5 ребенка.

Расчет количества потомков Эльроса дает возможность строить недоказуемые, но обоснованные предположения о социальной структуре верхов нумэнорского общества.

Разница в возрасте между детьми: границы 9-17, очень часто 11 (7 раз, в то время как все остальные цифры встречаются 1-2 раза, а некоторые – 14, 15 – не встречаются вовсе). Среднее арифметическое = 11,93 в периоде.

Разница в возрасте между старшим и младшим ребенком: 4 детей – 30 лет, 3 ребенка – от 22 до 29 лет (среднее 25,2).

Возраст отца в момент рождения первенца

Ранние поколения (2-7): границы 125-180.

Средние поколения (9, 11-14): границы 146-186.

Как видно, данные близки, различия связаны с уникальными случаями. Что дает возможность мыслить этот параметр неизменным для ранних и средних поколений: общие границы 125-186. Среднее арифметическое = 154,4

Расчет социально одобряемой нормы возраста отца в момент рождения первенца

Однако имеется указание на то, что рождение первенца в 171 год считается поздним, что дает возможность рассчитать не только средние цифры как таковые, но и норму.

Если мы не будем учитывать 3 случая рождения первенца в 171 год и позже, то у нас останутся нормальные и ранние браки. Если нанести все цифры на график, то видно, что три самых низких значения (131, 125, 129) заметно отстоят от основного кластера (146-160). Это дает возможность обоснованно предположить, что в ранний и средний период нормой

считалось рождение первенца в 135-165 лет (и среднее арифметическое для этой группы = 154,6).

Итак, 154-155 – одновременно реальный и «идеальный» средний возраст рождения первенца у мужчины.

Теперь мы можем предположительно посчитать, например, когда родились дочери Тар-Анариона. Его третий ребенок, сын, родился в 1174 г., вычитаем из этой цифры 24 (две средние разницы между детьми), получаем, что старшая дочь Тар-Анариона родилась в 1150 г., когда отцу было 147 лет, что вполне укладывается в норму, а также неплохо соотносится с возрастом, в котором стал отцом отец самого Тар-Анариона, Халлакар: 151 год. Также мы можем обоснованно допустить, что второй ребенок Тар-Атанамира родился в 1998 г., и т.д., и т.п.

Демографические данные для женщин

Данных для женщин намного меньше, чем для мужчин. Возраст в момент рождения первого ребенка для женщин из рода Эльроса (т. е. без Алмариан и Эрэндис): Сильмариэн – 109 лет, Айлинэль – 87, Анкалимэ – 130 (поздно). Среднее для всех трех случаев = 108,6 в периоде, однако нельзя сказать, какое отношение эта цифра имеет к статистическому среднему арифметическому или к социально одобряемой норме (является, например, брак Айлинэль ранним или обычным?).

Один из подходов может быть таким: границы рождения первенца для женщины из рода Эльроса до снижения продолжительности жизни определяются как 80-135 лет (55 лет, для мужчин этот разброс составил 61 год), а социальная норма представляется как период между средними двух соседних цифр (87 и 109, 109 и 130) – 98-120 года (продолжительность 22 год, для мужчин аналогичный период составляет 30 лет).

Для сравнения: Эрэндис родила дочь в 102 года, явно поздно для обычной женщины (с учетом продолжительности жениховства Алдариона), а Тар-Ванимэльдэ при продолжительности жизни 360 лет родила сына в 129 лет.

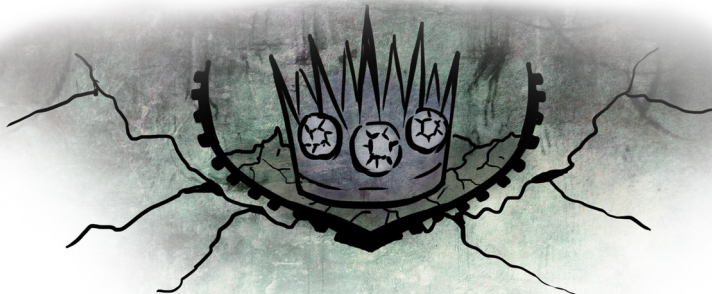
Разница в возрасте между супругами

При такой разнице в возрасте появления на свет первого ребенка между мужчинами и женщинами неудивительна большая разница между супругами не только в том случае, если только один из них принадлежит к роду Эльроса: если Тар-Алдарион старше Эрэндис на 70 лет (что само по себе не осознается как проблема), то Халлакар старше Тар-Анкалимэ на 21 год – при том, что их отношения ощущаются как отношения ровесников.

Максимальная разница, исходя из наличных данных, может достигать практически до 100 лет (87 – женщина, 186 – мужчина); обратное (жена старше мужа) тоже теоретически могло быть (125 для мужчины, 130 для женщины). Для средних значений, 155 и 109, разница составляет 46 лет, что может быть близко к социально одобряемой норме.

Интересен случай Тар-Ванимэльдэ – Хэрукалмо: муж моложе жены на 9 лет. Он и первенца родил необычайно рано, в 120 лет, хотя и прожил 371 год, на 11 лет дольше жены-троюродной сестры, что несколько удивительно в свете замечания об особенном долгожительстве женщин.

ДАРИЙ ЕРАСТОВ (ХАРТ)

О ВНЕШНЕМ ОБЛИКЕ МЕЛЬКОРА ПЕРВОЙ ЭПОХИ: ДЕТАЛИ, ТОНКОСТИ ПЕРЕВОДА И ВЗАИМОСВЯЗЬ С ХРОНОЛОГИЕЙ «СИЛЬМАРИЛЛИОНА»

Доклад, прочитанный на конвенте «ВесКон» (23-25 февраля 2018 г.)

На странице 48 и 49 использованы иллюстрации Елены Кукановой

Когда речь заходит о внешнем облике Мелькора в период после уничтожения Древ, редко кто не вспомнит вещи, ставшие уже именами нарицательными и расхожими клише – шуточки про «обезьяну в абажуре» и «поединок мыши с горой» далеко не единственные в списке одиозных определений: одни помягче, другие намного хуже, третьи приписывают гипертрофированную красоту.

В этой статье я не ставил перед собой целью жестко отследить трансформацию с точки зрения текстологии: куда важнее и интереснее мне представляется очертить границы и характерные черты некоего единого непротиворечивого образа.

Задача не так проста, как кажется. Я бы разделил информацию на четыре составляющих: во-первых, определение границ физического состояния; во-вторых, детали одежды; в-третьих, детали внешности и голоса из «Лэ о Лэйтиан» и «Лэ о Детях Хурина» (я считаю, это заслуживает отдельного пункта). В четвертом пункте я изложил то, что касается противоречивого, на мой

взгляд, вопроса о форме, в которую облечено физическое тело Мелькора.

1. Границы физического состояния

В этом вопросе окончательную в целом точку ставит «Кольцо Моргота»:

Morgoth was thus actually made captive in physical form, and in that form taken as a mere criminal to Aman and delivered to Namo Mandos as judge – and executioner. He was judged, and eventually taken out of the Blessed Realm and executed: that is killed like one of the Incarnates [1].

(Моргот был взят в плен в физической форме, в ней доставлен, как простой преступник, в Аман и представлен на суд Намо Мандоса. Его изгнали из Благословенного Королевства и казнили: убили, как одного из Воплощенных.)

Помимо этого, мы помним о его «застрявшем» состоянии: *Melkor alone of the Great became at last bound to a bodily form* (из всех Великих Мэлькор единственный был под конец связан телесным видом) [2].

Интересно, что в оригинале «Осанвэ-кенты» используется именно слово *bodily*, а не *physical*, которое имеет смысловые подтексты в большей степени как «телесный», «плотский» и даже «человеческий», а не просто «материальный».

Более того, в отрывке выше из «Кольца Моргота» приводится ссылка на примечание:

For this reason he himself came to fear “death” – the destruction of his assumed bodily form – above everything, and sought to avoid any kind of injury to his own form [1]. (Больше всего он боялся «смерти» – разрушения принятой им телесной формы – и избегал любого воздействия на эту свою оболочку.)

Кроме этого, я бы отметил наличие, если так можно выразиться, физиологических жидкостей – в частности, крови. Когда Финголфин ранил ногу Мелькора, из нее хлынула кровь – *the blood gashed forth black and smoking* [3]. Также всем известно, что Мелькор «с того дня хромал на одну ногу, и не стихала боль его ран» [3].

Интересная деталь, не противоречащая всей вышеперечисленной информации, содержится также в «Легенде о Тинувиэли»: коты Тэвилдо «ловили и добывали дичь для стола Мэлько и его частых пиров» (*he and his subjects were the chasers and getters of meat for Melko's table and for his frequent feasts*) [4].

Помимо этого, присутствует упомянутое в «Лэ о Лэйтиан» плотское влечение, которое сам Мелькор характеризует как «неистовый голод» и «жажды слепой пожирающий холод». (*Oh hunger dire, oh blinding thirst's unending fire*) [5]. Что интересно, здесь очень четко прослеживается, что Мелькор субъективно воспринимает это состояние скорее как неприятное, если

не мучительное, в то время как его нередко расценивают как естественное, обязательное или даже желаемое.

Также можно предположить, что фана Мелькора совершенно не обладало невероятными способностями наподобие левитации: после договора с Унголиант ему пришлось взбираться на Пелори по лестницам из паутины (*Now Ungoliante wrought a ladder of ropes and cast it down, and Melkor climbed upon it*) [6].

Эта версия дана в «Анналах Амана», однако думаю, что необходимость в данном действе у Мелькора впоследствии не отпала, но в силу серьезности повествования тактично скрылась между строк, поскольку в «Поздней Квенте Сильмариллион» осталась только фраза, что вместе с Унголиант Мелькор «покинул Аватар, дабы исполнить задуманное» [7].

Подводя итог первой части, мы можем сказать, что кровь, хромота, страх воздействия на тело, способность испытывать физическую боль от ранений и потребность в еде прямо указывают на то, что фана Мелькора было не просто «смертным» или материальным. Судя по всему, оно было близко по состоянию к эльфийскому либо человеческому телу.

2. Одежда, оружие и корона

Я намеренно пропущу цитирование в данном пункте «Легенды Аданель», поскольку отношу его к четвертому, наиболее противоречивому вопросу.

Практически все, что мы знаем о короне и одежде Мелькора, относится к «Лэ о Лэйтиан» или же к «Сильмариллиону».

То, что касается одежды и доспехов, кратко описано в опубликованном «Сильмариллионе» [3]: «предстал он перед королем, облаченный в черные доспехи», а также «щит его, черный, без герба».

Что касается короны – основным источником служит поэтическая «Лэйтиан». Описание включает в себя железный шлем (*helm of iron vast*) [5], а Сильмариллы заточены, собственно, между зубьев венца: *In claws of iron the gem was caught, [...] with knife he strove; through band and claw of iron it clove* [5].

При этом, вероятно, венец со шлема может и сниматься, поскольку, с одной стороны, для Берена этот *helm of iron vast* тяжел, а с другой стороны – упавшая корона сравнивается с «колесом»: *His crown there rolled upon the ground, a wheel of thunder* [5].

Оружие Мелькора меняется от источника к источнику. В «Анналах Амана» можно найти упоминание о копье (*Then Melkor sprang up, and with his black spear he smote each Tree to its core* [6]). Еще раньше, в «Утраченных сказаниях», можно встретить меч:

Thus was it that unmarked Melko and the Spider of Night reached the roots of Laurelin, and Melko summoning all his godlike might thrust a sword into its beauteous stock, and the fiery radiance that spouted forth assuredly had consumed him even as it did his sword, had not Gloomweaver cast herself down and lapped it thirstily, plying even her

lips to the wound in the tree's bark and sucking away its life and strength [8].

(Так Мэлько и Ночная Паучиха незаметно достигли подножья Лаурэлин, и Мэлько, собрав всю свою божественную мощь, вонзил меч в прекрасный ствол, и хлынувшее оттуда пламенное сияние непременно сожгло бы его самого, как и меч, если бы Мракоткущая не бросилась бы, изнывая от жажды, пить этот свет, приникнув губами к ране и высасывая из древа жизнь и силу.)

В «Оковах Мэлько» встречается другое красочное описание:

Then lashed he at Manwe with **an iron flail** he bore, but Manwe breathed gently upon it and its iron tassels were blown backward [8].

(Тогда занес он над Манвэ железную плеть, что держал в руке, но Манвэ слегка дохнул на железные хвосты плети, и их отнесло прочь)

Следует сказать, что *flail*, о котором мы читаем в тексте, также может переводиться как «цеп» с множеством «хвостов», хотя плеть вполне вписывается в символическое прозвание Мелькора «королем рабов» [3].

В финальном варианте «Сильмариллиона» и «ЛЭ» мы видим привычный молот подземного мира, Гронд (*hammer of the underworld, Grond*). В «ЛЭ» о Лэйтиане он также назван словом *mace*, что ближе к переводу «булава». Технически это могло быть и чем-то средним. При упоминании Гронда также нельзя не отметить, что если брать всем знакомые картины Теда Несмита и других художников, то классический боевой молот, как и булава, изображаются там достаточно «фэнтезийно». Наиболее адекватное изображение Гронда как одноручного древкового оружия с жизнеспособным балансом, на мой взгляд, присутствует на иллюстрации Джона Хоу.

3. «Лэ о Лэйтиан» и «Лэ о Детях Хурина»

Общеизвестные после «Сильмариллиона» метафоры из поединка с Финголфином о черных доспехах и щите без герба почти повторяются в «Лэ о Лэйтиан»:

Black-armoured, towering, iron-crowned	В черных доспехах, с железной короной
he issued forth; his mighty shield	Он вышел вперед; и его мощный щит
a vast unblazoned sable field	Был чернотою глубокой покрыт,
with shadow like a thundercloud;	Как туча, была его тень грозовая;
and o'er the the gleaming king it bowed [5]	И пала она, короля затмевая...

Помимо этого, в «Лэ о Лэйтиан» и «Лэ о детях Хурина» упоминаются еще несколько деталей.

1. Полыхающие недремлющие (или кажущиеся безвекими от свечения) глаза.

One fire in darkness still abode:	Во тьме полыхало лишь пламя одно:
the lidless eyes of Morgoth glowed [5]	Во взгляде у Моргота было оно.

Также эти глаза в «Лэ о Детях Хурина» названы и вовсе «бездонными»:

There the mind of Hurin in a mist of dark	И во мрачной мгле разуменья Хурина
neath gaze unfathomed groped and foundered,	под взором бездонным сгинуло и померкло,
yet his heart yielded not nor his haughty pride.	но не поддались ни его сердце, ни непреклонная
[15]	гордость.

2. Мрачную либо хмурую линию бровей:

All eyes were quenched, save those that glared
in Morgoth's lowering brows, and stared [5].

К данному фрагменту я не привожу перевода на русском, потому что словосочетание *lowering brows* весьма сложно обыграть в поэтическом переводе.

3. Метафорически «темные» черты лица (от *countenance* – как *facial expression*):

Thus Bauglir earned the furrowed scar	Так Бауглир заслужил этот шрам,
that his dark countenance doth mar [5]...	Что шел глубоко по тем мрачным чертам)

4. Насмешливые интонации и громоподобный голос.

...Morgoth spoke,
 and thunderous the silence broke [5]...

...one sound the breathing silence broke:
 the mirthless voice of Morgoth spoke [5]...

Здесь я также не цитирую существующие переводы, потому что в первом случае значение имеет единственное слово *thunderous*, которое действительно означает «громкий» или «громоподобный». Во втором случае оригинальное слово *mirthless* было переведено как «безрадостный», но Оксфордский словарь поясняет его смысл скорее не как «безрадостный»

в контексте равнодушия или грусти, а как нечто, лишённое настоящего веселья, но с оттенком иронии, что более чем согласуется с последующими насмешливыми вопросами Мелькора, в своем ли уме Тингол:

What news of Thingol in his hole
shy lurking like a timid vole?
What folly fresh is in his mind
who cannot keep his offspring blind
from straying thus – or can devise
no better counsel for his spies? [5]

Как там Тингол в своей яме сидит,
Откуда, как робкая мышь, он глядит?
Что там случилось с его головой,
Что заблудилось дорогой такой
Дитя его? Или не может найти
Лазутчикам все же получше пути?

5. Мимика и выражение эмоций.

При чтении «Лэ о Детях Хурина» можно встретить и подтверждение тому, что у Мелькора более чем явно отражаются эмоции на лице: он торжествующе улыбается, кривит губы от отвращения, и при этом встречается момент, когда он выражает гнев неким влиянием на окружающую обстановку, при этом сохраняя внешнее спокойствие.

But Lungorthin Lord of Balrogs
on the mouth smote him, and Morgoth smiled...
[15]

Лунгортин, властелин балрогов,
разбил ему рот, и улыбнулся Моргот...

Then tumult awoke, a tempest wild
in rage roaring that rocked the walls;
consuming madness seized on Morgoth,
yet with lowered voice and leering mouth
thus Thalion Erithamrod he threatened darkly...

Тут буйство разразилось бури безудержной,
свирепый рев сотряс стены;
ярость необузданная обуюла Моргота,
но негромким голосом он угрозы расточал
Талиону Эритамроду, уста скривив...

Понижение голоса в момент выражения ярости кажется мне достаточно интересной деталью.

4. «Сильмариллион», ранние и поздние источники, влияние хронологии

В эту же часть я включил и упоминания из «Сильмариллиона», которые достаточно немногочисленны. Форма Мелькора после гибели Древ описывается как «высокая и ужасная», а также упоминается то, что Мелькор утратил способность менять обличье и остался в нем до самого конца: *he put on again the form that he had worn as the tyrant of Utumno: a dark Lord, tall and terrible. In that form he remained ever after* [3].

Но, несмотря на кажущуюся однозначность этой фразы, есть значимое дополнение в 9 главе «Сильмариллиона»:

Nonetheless his majesty as one of the Valar long remained, though turned to terror, and before his face all save the mightiest sank into a dark pit of fear [3].

(Однако же долго еще сохранял он величие, присущее ему как одному из Валар, хотя теперь сутью этого величия стал ужас; и пред лицом его все, кроме самых стойких, погружались в темные бездны страха.)

Стоит заметить, что использованное в оригинале слово *majesty* Оксфордский словарь истолковывает не только как «величавость», но и как «впечатляющая красота, масштабность», что уже создает совсем иной оттенок. Также стоит упомянуть, что слово *terrible* (ужасный) в процитированном контексте означает несколько иное, нежели «уродливый» – скорее «зловещий, гибельный, причиняющий разрушения».

Также, если обратиться к другим произведениям, можно натолкнуться на весьма интересный факт: от ранних до поздних текстов средоточием того, что вселяет ужас, является не столько внешний вид Мелькора, сколько его взгляд. Смутное упоминание об этом встречается, начиная от «Падения Гондолина», когда Мелькор накладывает на Маэглина (Меглина) и других пленных нолдор заклятие ужаса, которое, судя по описанию, главным образом состоит в том, что Маэглин постоянно ощущает подобие присутствия Мелькора или его наблюдения за собой:

Then Meglin was bidden fare home lest at his absence men suspect somewhat; but Melko wove about him the spell of bottomless dread, and he had thereafter neither joy nor quiet in his heart. [...] A dread possessed him that Melko was ever at hand, and this came of the spell [4].

(Тогда велено было Меглину отправляться домой, чтобы люди не заподозрили дурного из-за его отсутствия; но Мелько наложил на него заклятье безмерного ужаса, и не было с той поры в сердце Меглина ни радости, ни покоя. [...] Все время казалось ему, что ужасный Мелько где-то рядом, и все из-за заклятья.)

Также упоминание ужасного взгляда встречается как в «Нарн и Хин Хурин», так и в изданной версии «Детей Хурина» [10]:

Húrin was brought before Morgoth, for Morgoth knew by his arts and his spies that Húrin had the friendship of the King of Gondolin; and he sought to daunt him with his eyes (Нарн и Хин Хурин).

Therefore Hurin was brought before Morgoth, for Morgoth knew by his arts and his spies that Hurin had the friendship of the King; and he sought to daunt him with his eyes (изданная версия «Детей Хурина»).

(И вот привели к Морготу Хурина, ибо прознал Моргот благодаря колдовству и своим соглядатаям, что тот в дружбе с королем [Гондолина]; и попытался Моргот утратить пленника взором.)

Точно так же о светящихся глазах сказано в «Поздней Квенте Сильмариллион»:

Then suddenly he held up in his hands two shining gems. They were green, and in that lightless place they reflected the dreadful light of his eyes, as if some ravening beast had come hunting there [7].

(Тогда внезапно поднял он руку с двумя сияющими камнями. Зелеными были они и в этом бессветном месте отражали ужасный свет его глаз, будто голодный хищник пришел сюда в поисках добычи.)

Интересно, что здесь взгляд Мелькора характеризуется как *dreadful*. Значение этого слова в Оксфордском словаре раскрывается как «вызывающий или причиняющий огромные страдания, ужас и несчастье; крайне неудачный или серьезный» (*causing or involving great suffering, fear, or unhappiness; extremely bad or serious*).

После всего, что было сказано выше, мы подходим к самому неоднозначному моменту, который касается формы облика Мелькора.

Для начала стоит обговорить статус центрального цитируемого дальше источника – «Легенды Аданель».

В примечаниях к «Атрабет Финрод ах Андрет» сказано:

All agree, however, in making the cause of disaster the acceptance by Men of Melkor as King (or King and God). [...] The legend bears certain resemblances to the Numenorean traditions concerning the part played by Sauron in the downfall of Numenor. But this does not prove that it is entirely a fiction of postdownfall days. It is no doubt mainly derived from actual lore of the People of Marach, quite independent of the Athrabeth. [Added note: Nothing is hereby asserted concerning its 'truth', historical or otherwise.] [12]

(Однако все сходятся на том, что причиной катастрофы было то, что люди приняли Мелькора как Царя (или Царя и Бога). [...] Легенда несколько напоминает нуменорские предания о роли Саурана в падении Нуменора. Но это не доказывает, что она целиком выдумана после катастрофы. Несомненно, она опиралась на предания, которые действительно существовали в народе Мараха, существовали независимо от «Атрабет». [Вставлено: «это не имеет отношения к ее "истинности", исторической или какой-то иной».])

Как видно из вышеприведенного фрагмента, отношение самого Профессора к данному тексту весьма противоречиво – тем не менее, думаю, что его можно и нужно использовать в данной статье по трем причинам.

1. Идея падения людей в результате непосредственного влияния Мелькора никогда не была отвергнута. В письме Мильтону Уолдману 1951 г. Толкин писал: «Первое падение людей, в силу приведенных причин, нигде не фигурирует: когда люди появляются на сцене, все это осталось в далеком прошлом; существуют лишь слухи о том, что на какое-то время люди оказались под властью Врага и что некоторые из них раскаялись» [11].

2. Это единственный и наиболее поздний первоисточник, написанный Толкином, подробно повествующий о падении людей. Пройгнорировать его, либо выбрасывать из него

детали сообразно неким хэдканонам и представлениям об истинности или ложности, просто невозможно. Текст датируется концом 1950х годов.

3. Согласованность с опубликованным «Сильмариллионом», в данной детали повторяющим хронологию «Серых Анналов» (вероятно, именно из-за того, что идея Падения никогда не была отвергнута):

Но говорилось позже среди эльдар, что, когда пробудились люди в Хильдориэне при первом восходе Солнца, не дремали соглядатаи Моргота и тотчас же извещен был Властелин Тьмы. И показалось то ему событием столь великой важности, что Моргот сам, тайно, под покровом тьмы покинул Ангбанд и отправился в Средиземье, доверив Саурону ведение войны [3].

В комментариях к §§79-81 «Серых Анналов» сказано следующее:

отрывок, вставленный позднее, [...] касается ухода Моргота из Ангбанда и его попытки совратить первых людей на востоке и представляет большой интерес. В то время как в КС (§63) сказано, что Моргот «не имел обыкновения покидать глубочайшие подземелья своей крепости», в ААМ (§128, с. 110) – «пока длилось его царство, он лишь один раз тайно покидал свои северные владения»; но не сказано, зачем он это сделал.

Согласовав эти хронологические моменты, к описанию внешности Мелькора добавляется цитата, которая вносит практически радикальную поправку в интерпретацию его облика:

Then one appeared among us, in our own form visible, but greater and more beautiful; [...] Then we looked and lo! he was clad in raiment that shone like silver and gold, and he had a crown on his head, and gems in his hair [12]. (Тогда явился меж нами некто, подобный нам обличем, но выше и прекраснее нас; [...] И мы взглянули, и – о диво! – одежды его сияли серебром и золотом, и венец был на челе его, и самоцветы горели в волосах.)

Я отдельно обращаю внимание на то, что в описании уже присутствует *crown on his head*. Казалось бы, это никак не согласуется со всеми деталями внешности, которые были приведены выше – однако, если разобраться, это не совсем так.

Во-первых, позволю себе использовать ссылку на доклад Арторона об эстетике одежд

эльфов: «В целом эльфы проявляют достаточно сдержанный вкус, избегают кричащей роскоши в своих нарядах, предпочитая скорее монохромный ряд, бело-серую гамму цветов. В манере одеваться господствует благородная простота» [14].

Но что мы видим, читая об одеждах Мелькора? Думаю, с точки зрения некоторых эльфов их можно было бы охарактеризовать как вопиюще вульгарные. Сами одежды мерцают и серебром, и золотом, на голове корона, а избыток украшений завершают вплетенные в волосы самоцветы.

Я бы еще отметил, что страсть Мелькора к драгоценным камням прослеживается и в ранних, и в поздних источниках. Эта страсть к самоцветам упомянута в «Утраченных сказаниях»:

Sapphires in great [?wonder] were given to Manwe and his raiment was crusted with them, and Orome had a belt of emeralds, but Yavanna loved all the gems, and Aule's delight was in diamonds and amethysts. Melko alone was given none of them, for that he had not expiated his many crimes, and he lusted after them exceedingly, yet said nought, feigning to hold them of lesser worth than metals [8].

(На диво много сапфиров дано Манвэ, чье одеяние усыпано ими, Оромэ носит пояс с изумрудами, а Йаванне любезны все самоцветы, радость же Ауле – в алмазах и аметистах. Одному Мэлько ничего не дали, ибо не искупил он еще многочисленных своих преступлений. И алкал он их безмерно, но ничего не сказал, притворившись, что ценит самоцветы ниже металлов)

То же самое прослеживается и в «Сильмариллионе»: «взглянул он [Мелькор] на бесчисленные драгоценные камни, сиявшие ярким светом, и взалкал их» [3].

Любопытно, что при прочтении строк о внешности Мелькора не видно ни слова о глубинном внутреннем величии, словно все затмевает только богатство одежд и украшений. И более того, когда он появляется перед людьми впоследствии – фактически все видят Мелькора именно так, как описано в «Осанвэ-кенте»: “*its hideousness could not any longer be masked, and it showed forth the evil of his mind*” [2] (Мерзость его не могла более пребывать скрытой, но являла зло его духа).

Тем временем, в «Легенде Аданель» мы фактически видим, что подразумевается под подобной трансформацией:

But when we went to the House and all bowed down there, at last he came, great and majestic, but his face was cruel and proud [12].

(Но когда мы все собрались в Доме и преклонились долу, он наконец явился, могучий и величественный, но лицо его было жестоким и гордым)

Подводя итог всему сказанному, можно сделать вывод, что интерпретация облика Мелькора в Первую эпоху как «жуткого» не обязательно может являться буквальной. «Легенда Аданель» не вступает в противоречия, но даже дополняет источники «Сильмариллиона» и «Утраченных сказаний», на деле усложняя и создавая, вероятно, в определенных аспектах даже более пугающий образ зла, чем буквально истолкованное «чудовище под горой».

Литература

1. Tolkien J.R.R. Myths Transformed // *The History of Middle-Earth: Volume X – Morgoth's Ring*. Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Преображенные мифы / Пер. А. Кутузова. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mt.shtml
2. Tolkien J.R.R. Ósanwe-kenta: Enquiry into the Communication of Thought // *Vinyar Tengwar*, # 39. July 1998. Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Осанве-кента / Пер. А. Голубина. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/tengwar/osanve1.shtml>
3. Толкин Дж.Р.Р. Сильмариллион / Пер. С. Лихачевой. М.: АСТ, 2015
4. Tolkien J.R.R. *The History of Middle-Earth: Volume 2 – The Book of Lost Tales: Part II*. Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. История Средиземья. Том II. Книга утраченных сказаний. Часть II. /Под ред. К. Р. Толкина./ Пер. с англ. ТТТ, 2002
5. Tolkien J.R.R. The Lay of Leithian // *The History of Middle-Earth: Volume III – The Lays of Beleriand*. Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Лэйтиан, или Освобождение от оков / Пер. Ольвен Тангородримской. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/lei_bele/lay.shtml
6. Tolkien J.R.R. The Annals of Aman // *The History of Middle-Earth: Volume X – Morgoth's Ring*.
7. Tolkien J.R.R. The Later Quenta Silmarillion // *The History of Middle-Earth: Volume X – Morgoth's Ring*. Пер. Юлии Понедельник.
8. Tolkien J.R.R. *The History of Middle-Earth: Volume I – The Book of Lost Tales: Part I*. Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. История Средиземья. Том I. Книга утраченных сказаний. Часть I. /Под ред. К. Р. Толкина./ Пер. с англ. ТТТ, 2000.
9. Оксфордский словарь английского языка Oxford University Press [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oxforddictionaries.com/>
10. Tolkien J.R.R. Narn i Chîn Húrin // *Unfinished Tales of Númenor and Middle-earth* Перевод С. Таскаевой (Анариэль Ровэн) и Арандия. См. тж.: Tolkien J.R.R. *The Children of Húrin*. HarperCollins, 2007.
11. Толкин Дж.Р.Р. Письма / Пер. С.Лихачевой под ред. А. Хромовой и С. Таскаевой. М.: ЭКСМО, 2004.
12. Tolkien J.R.R. Athrabet Finrod ah Andreth // *The History of Middle-Earth: Volume X – Morgoth's Ring*. Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Атрабет Финрод ах Андрэт (Речи

Финрода и Андрэт / пер. А. Хромовой, ред. К. Кинн [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finrod.shtml

13. Tolkien J.R.R. The Grey Annals // *The History of Middle-Earth: Volume XI – The War of Jewels*. Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Анналы Белерианда, или Серые Анналы / Пер. Ю. Понедельник [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/war/grey_ann.html

14. Годкин Д. (Арторон). Эстетика цвета в одеждах эльдар // Палантир №51. Ноябрь 2006. С. 39–55.

15. Tolkien J.R.R. The Lay of Leithian // *The History of Middle-Earth: Volume III – The Lays of Beleriand*. Перевод Арандиля и Анариэль Ровэн.

